

зученнымъ Комитетомъ М. Н. И. допущено въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни. (Отнош. отъ 3 августа 1905 г.
№ 8998).

743832 И. ЖИЛКИНЪ.

Нен

Старообрядцы на Волгѣ.

Издание В. К. Самсона.

САРАТОВЪ.
ТИПОГРАФІЯ «САРАТОВСКАГО ДНЕВНИКА».
1905 г.

Старообрядцы на Волгѣ.

I.

Въ пяти верстахъ отъ Хвалынска есть интересный уголокъ. Здѣсь столпились каменистые холмы и горы, но какъ будто чудодѣйственный жезль Моисея ударилъ по каменнымъ ребрамъ горъ, и вездѣ забили, заструились сотни родниковъ, ручейковъ. Эта поистинѣ живая вода опоясала весь Хвалынскъ знаменитыми по всей Волгѣ фруктовыми садами (особенно раньше: «милліонъ пудовъ одного яблока вывозили», — со вздохомъ говорили мнѣ хвалынцы). Тутъ-же, по склонамъ горъ разбѣгаются густыя рощи молодого лѣса. А въ самой глухи, среди воды, лѣса, садовъ и горъ, прячется Черемшанъ. Черемшанъ—это послѣдний, грустный, замирающій вздохъ «древняго благочестія»... Это—старообрядческій монастырь, послѣдній заброшенный сюда осколокъ иргизскихъ скитовъ, широкая, хотя и давно погашенная, духовная жизнь которыхъ жива до сихъ поръ въ памяти средняго Поволжья. Странно и грустно видѣть въ этомъ живописномъ, брызжущемъ жизнью мѣстѣ такое застарѣлое, сугубое отрицаніе жизни. Потому что, если вообще монастырскій обиходъ удаляетъ отъ міра, то старообрядческій монастырь дѣлаетъ это суроѣ, не-преклоннѣе, аскетичнѣе. Пришлось мнѣ здѣсь увидѣть даже и современного старообрядческаго подвижника. И, что еще страннѣе, я зналъ этого подвижника лѣтъ десять назадъ простымъ, строгимъ старикомъ, ходившимъ въ Вольскѣ въ большомъ картузѣ, изъ-подъ котораго выбивались густые, сѣдые кудри.

Дозволено цензурою. Саратовъ. 22 марта 1905 г.

А теперь, сказали мнѣ, ужъ лѣтъ восемь какъ постригся онъ въ монахи и живетъ отдельно, въ горѣ, въ землянкѣ... Подошли мы со спутникомъ къ этой горѣ, которая вверху и внизу обливалась, словно пла-кала, струями воды, а потомъ темнымъ, узкимъ ходомъ спустились въ затхлую, мрачную каморку. Жал-кий, маленький, сгорбившійся старичекъ всталъ и гля-дѣль на насъ. Угасшее, землисто-восковое лицо, при-пухшіе покраснѣвшіе глаза, скуфейка съ крестами на головѣ, а изъ подъ скуфейки желтоватыя, прилипшія косички волосъ... Жалость ударила по сердцу при видѣ этого похоронившаго себя человѣка. А за стѣнами глухо шуршала вода, сыростью дышали темные углы. На столѣ лежала большая старопечатная кни-га, передъ почернѣвшими образами тускло теплилась лампадка. И мнѣ сразу ярко вспомнилось то жуткое, давящее чувство, съ которымъ я ходилъ по безко-нечнымъ, извилистымъ киевскимъ пещерамъ, отъ гроб-ницы къ гробницѣ, въ которыхъ лежали останки под-гижниковъ, выказавшихъ изумительную силу духа и гигантскую настойчивость... Удалиться отъ жизни, шагъ за шагомъ прокопать на десятки саженей кам-енную гору и въ темныхъ нѣдрахъ горы похоронить себя для молитвенныхъ подвиговъ и ожиданія будущей жизни. Но, вѣдь, то было почти тысячу лѣтъ назадъ! И вотъ, словно исторія остановила тутъ свой маятникъ. Въ сырой горѣ, почти безвыходно, какъ мнѣ рассказали, живетъ старикъ, питаясь хлѣбомъ, все читая старопечатную книгу и кладя псклоны по лѣстовкѣ. Тяжело и грустно было глядѣть на его погасшее, мертвенно-равнодушное лицо. Разговора у насъ не вышло. Меня онъ не припомнилъ, но съ напряженiemъ вспомнилъ мою фамилію и спросилъ о моемъ отцѣ, медленно, безучастно. «Зачѣмъ это?»—хотѣлось спросить, глядя на его замученное голо-домъ, старчествомъ, темнотой и сыростью тѣло. И

мой спутникъ, молодой, крѣпкій, жизнерадостный старообрядческій уставщикъ, смотрѣль на старика съ любопытствомъ, но безъ почтительного сочувствія.

Страхъ настоящей жизни и страхъ предъ буду-щій загробной жизнью такъ понятенъ въ обстанов-кѣ за тысячу лѣтъ назадъ, но какая бездонная, не-проницаемая психологическая глубина—видѣть это тѣ-перь, при блескѣ и грохотѣ нашей жизни..

Мы съ уставщикомъ переходили черезъ гору, сквозь чащу деревьевъ, отъ женского монастыря къ мужскому.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ уставщикъ, остановли-ваясь на вершинѣ холма, среди маленькой полянки,— вотъ здѣсь мы разъ съ нашимъ батюшкой цѣлу ночь пророждали.

— Зачѣмъ?

— Вышло этакъ. Вечеромъ прискакалъ, сломя голову, верхомъ парень изъ Хвалынска съ ямского двора. У насъ тогда, по одной причинѣ, моленна не въ городѣ была, а вотъ тутъ, подъ горой. Приска-калъ: «скорѣ,—говорить,—прячьте батюшку! Исправ-никъ потребовалъ лошадей; навѣрно, сюда ловить пріѣдетъ». То-есть, значитъ, насчетъ бѣглого свя-щенника. Ну... куда ночью дѣваться? Выѣждали, я да батюшка, на это мѣсто вотъ, да и стояли до утра. Въ сентябрѣ было дѣло, дождичкомъ поливало, а мы изъ подъ дерева всю ночь въ ту вонъ сторону на дорогу глядѣли.

— Ну, что-же, пріѣхалъ?

— Исправникъ-то? И не думалъ! Въ Елшанку утопленника что-ли глядѣть ѿздили.

А они глядѣли и дрожали... Такимъ-же глядя-щимъ впередъ и дрожащимъ представилось мнѣ и все старообрядчество. Легче теперь, мягче стало, и можно бы не пугаться такъ; но эта дрожь—дрожь старого, жестокаго, многовѣковаго испуга. Исключительная до-

ля выпала старообрядчеству—дрожать изъ поколѣнія въ поколѣніе за свою вѣру и спокойствіе. А страхъ не способствуетъ любви и довѣрію къ жизни. Страхъ разгонялъ ихъ когда-то по лѣсамъ болотамъ, дикимъ горамъ, далекимъ окраинамъ. Теперь нѣтъ прежнихъ гоненій, но сердце все еще дрожитъ, глаза смотрятъ съ пугливымъ недовѣріемъ, и все хоронятся люди по темнымъ угламъ, забиваясь отъ всякаго окрика все глубже и дальше. И хочется вѣрить, что не придется имъ вновь бѣжать поспѣшно въ темные углы и дичать отброшенными отъ людей, раздробляя религіозное чувство на сотни узкихъ, нетерпимыхъ сектъ. Тяжелая послѣдствія многолѣтняго испуга могутъ исчезнуть лишь при долговременной терпимости и мягкости.

II.

Первый ударъ при Никонѣ раскололъ русскую церковь на двѣ части. Поспѣшнымъ примиренiemъ, мягкостью, взаимнымъ снисхожденiemъ, можетъ быть, возможно было спаять надколъ; но по краямъ зіявшей, какъ пропасть, трещины встали двѣ желѣзныхъ, непреклонныхъ личности—Никонъ и протопопъ Аввакумъ, а за ними толпились съ воспаленными фанатизмомъ глазами другія кремневыя фигуры, и щель все расползлась шире и шире...

Но все-же тутъ было только два враждебныхъ лагеря, и останься дѣло въ такомъ положеніи, можетъ быть, у насъ было бы до сихъ поръ только двѣ церкви—старая и новая. Но на непокорную, отпавшую половину посыпался градъ ударовъ. Кремневое упорство, гранитный фанатизмъ надумали смягчить напоромъ, силой, ударами. Съ самаго начала быль избранъ ложный путь страха и злобы. И получился уже не расколъ, а раздробленіе. Какъ у сказочного богатыря, который срубить противнику голову—вырастаютъ двѣ, срубить двѣ—вырастаютъ четыре, такъ

и старообрядчество, вначалѣ цѣльное, отъ каждого удара кололось, дробилось, разбѣгалось во всѣ стороны, и скоро вся страна была усыпана этими многочисленными осколками вѣры—сектами, толками, кривотолками. Система страха была истинной матерью всего нашего раскола или раздробленія церкви, и другого результата она не могла имѣть.

Широкая, далекая Волга послужила для старообрядцевъ съ самаго начала надежнымъ пріютомъ. Привольный край, богатый лѣсами, звѣремъ, рыбой, водой и, главное, далекій отъ власти, привлекалъ не однихъ старообрядцевъ. Всѣ, кто страдалъ отъ поборовъ, гоненій, давленій или, попросту, отъ зачмодавцевъ, которые грозили правежемъ и вѣковымъ холопствомъ, бѣжали во влажныя объятія Волги. Даже пословица на Руси тогда сложилась: «Нечѣмъ платить долгъ, такъ пойду на Волгу».

Старообрядцы тысячами усѣяли берега Волги. Но это было пугливое, раздробленное стадо. Общей церкви не существовало, и старообрядцы, прижимая къ груди старопечатныя книги и прячась по лѣсамъ отъ начальства, подозрительно глядѣли уже и другъ на друга. Страхъ начинай дробить ихъ на секты. Темнота сгущалась надъ ихъ головами, помрачала разумъ и кривила, уродовала религіозное чувство..

Но, вотъ, «засіяло ведро благочестія». При Екатеринѣ II является манифестъ 7 декабря 1762 года. Призываются бѣжавшиe за границу старообрядцы и отводится имъ въ Саратовскомъ краѣ, за Волгой, по рѣкѣ Иргизу, болѣе 70,000 десятинъ хорошей, богатой земли для свободнаго проживанія.

Бѣглецы изъ-за границы, воспрянувъ духомъ, толпами возвращались на родину. Но не въ этомъ была главная благодать для старообрядчества. Словно вспрынутая живой водой, возстановлялась разсыпавшаяся на куски старая церковь. О сліяніи съ право-

славе́мъ пока еще нель́зя было и думать, но лучъ свободы согрѣль, оживилъ и повлекъ къ единенію разбросанныхъ повсюду старообрядцевъ. На Иргизѣ быстро, одинъ за другимъ, стали возникать скиты (наиболѣе извѣстные: Аврааміевъ, Пахоміевъ, Исаакіевъ, Маргаритинъ и Анфисинъ). «Благочестіе процвѣтало купно съ благолѣпіемъ». Явились здѣсь у старообрядцевъ вновь свои храмы, священники, іеромонахи и прочій чинъ церковный. И неудивительно, что со всѣхъ сторонъ потянулись сюда какъ въ землю обѣтованную, тысячи старообрядцевъ. Жажда религіозная утолялась уже не изъ мелкихъ, мутныхъ и случайныхъ ручейковъ, а изъ общаго широкаго потока. Крестьяне-старообрядцы селились по близости монастырей на Иргизѣ, а горожане—въ Саратовѣ, Вольскѣ и Хвалынскѣ.

«Старая вѣра» разливалась широкой, свободной волной. Главари старообрядчества занялись горячей проповѣдью и пропагандой. Всѣ села и деревни средняго Поволжья въ короткое время были захвачены во власть настойчивыхъ и убѣжденныхъ въ своей правотѣ проповѣдниковъ старой вѣры. И даже—странное дѣло—не только русскія села, но и чувашкія и мордовскія, которые еще не разстались съ идолопоклонствомъ и съ большимъ трудомъ переводились въ православіе, даже и эти инородческія села почти поголовно переходили въ старообрядчество. Было еще разъ на дѣлѣ доказано, что въ вопросахъ религіи и вѣры самый прямой путь—горячее слово убѣженія. Даже узкій фанатизмъ ближе къ сердцу, чѣмъ суровая репрессія.

Но этотъ широкий размахъ старообрядчества принесъ для него много нового горя и страха. Въ двадцатыхъ годахъ прошлого столѣтія вновь туча поднялась надъ иргизскимъ и поволжскимъ старообрядчествомъ. Широкая пропаганда старой вѣры встрево-

жила и свѣтское, и духовное начальство. Пензенскій архіерей Ириней призналъ иргизскіе скиты «гнѣздами разврата раскольническаго», а саратовскій губернаторъ князь Голицынъ представилъ въ 1828 году въ министерство докладъ, въ которомъ указывалось, что «иргизскіе монастыри суть убѣжища праздности и разврата и разсадники раскола, а потому необходимо уничтожить ихъ» *)

Такимъ образомъ для религіозной борьбы вновь вернулись къ системѣ страха, и результаты получились прежніе: отъ крутыхъ мѣръ старообрядцы разбѣгались изъ скитовъ въ разныя стороны. Власти же хотели перевести скиты въ единовѣріе. Наиболѣе непослушныхъ монаховъ выселяли, малодушные или хитроумные сами бѣжали, съ остальными-же упрямцами много было хлопотъ.

Вотъ, напримѣръ, картина «взятія взбунтовавшагося Никольского монастыря». Это было въ 1837 году, при саратовскомъ губернаторѣ Степановѣ. Бунтъ состоялъ въ томъ, что старообрядцы не хотѣли переходить въ единовѣріе и не желали выходить изъ монастыря, а легли посреди двора и сцепились руками, чтобы ихъ не могли по одиночкѣ вытащить. «Степановъ скомандовалъ: «пли!» Началась стрѣльба холостыми зарядами. Въ то-же время начали качать воду на бунтовщиковъ. Понятые и солдаты бросились на смутившихся и растерявшихся старообрядцевъ и начали ихъ вязать и вытаскивать изъ монастыря. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ шла работа, пока всѣ 1049 человѣкъ были удалены за ограду».

Въ томъ же году былъ упраздненъ и послѣдній Верхне-Преображенскій монастырь. Официально мо-

*) Эти историческія свѣдѣнія о старообрядчествѣ взяты изъ книги И. С. Соколова „Расколъ въ Саратовскомъ краѣ.“

настыри сдѣлались елиновѣрческими. Но въ нихъ осталось всего по нѣсколько человѣкъ. Сами официальные документы признаютъ, что старообрядчество не было приближено къ православію. Г. Соколовъ въ своей книгѣ говорить: «Мечемъ свѣтской власти напрасно хотѣли разрубить узелъ, завязавшійся на почвѣ духовно-религіознаго свойства; религіи мира и любви напрасно навязали столь чуждый ей характеръ гонительства. Кромѣ эла, ничего не могло выйтти изъ этой системы, и если, въ порывахъ ревности и увлеченія, дѣятели того времени не въ состояніи были понять этого, то исторія спокойно и холодно оцѣнивающая дѣла давно минувшихъ дней, должна отмѣтить фактъ такого прискорбнаго ослѣпленія, какъ судъ прошедшему и какъ урокъ для будущаго».

Но уроки живой жизни и мудрой исторіи входятъ въ сознаніе общества не скоро. Только въ послѣдніе годы система страха для старообрядчества ослабла въ своихъ основаніяхъ, и предъ глазами старообрядцевъ блеснуль на горизонтѣ краешекъ голубого неба.

III.

Черная туча съ каменнымъ дождемъ суровыхъ наказаній и преслѣдованій, разгромившая начисто иргизскіе скиты, съ той-же безпощадностью обрушилась и на старообрядческій центръ Поволжья городъ Вольскъ.

Необходимо отмѣтить важную черту. Подъ градомъ ударовъ со стороны ближайшаго начальства старообрядцы никогда,—ни прежде, ни теперь,—не считали инициаторомъ своего преслѣдованія высшее правительство. И въ этомъ они были значительно правы. Не говоря уже о царствованіи Екатерины II и Александра I, старообрядцы и при Императорѣ Николаѣ I долгое время не чувствовали стѣсненій

отъ петербургской власти. Главная суть въ то времѧ, очевидно, была въ ближайшемъ начальствѣ, которое, воспалясь близорукимъ рвениемъ, съумѣло убѣдить и высшее правительство въ крайней необходимости суровыхъ мѣръ для искорененія раскола. Все дѣло было въ мѣстныхъ губернаторахъ и архиереяхъ. Въ 1831—35 году былъ, напримѣръ, саратовскимъ губернаторомъ Переверзевъ. Про него говорили, что онъ разрѣшилъ подавать ему прошенія «о зачисленіи въ какую угодно sectу». Но свобода имѣеть свои животворные законы: какъ разъ при ней-то старообрядцы и не чувствовали стремленія распадаться на sectы. Ихъ влекло къ единенію, къ плотно сомкнутой организаціи. Ихъ мечта была имѣть свои храмы съ крестами и колоколами и своихъ священниковъ. И пока они безпрепятственно воздвигали храмы и безпрепятственно брали себѣ священниковъ изъ православія, ядро старообрядчества становилось все цѣльнѣе и плотнѣе. Но пугаться этого ревнителемъ православія совсѣмъ не должно было. Въ это, именно, времѧ старообрядчество стало нечувствительно и безсознательно приближаться къ православію. Священниковъ приходилось брать изъ православія и, хотя они шли изъ корысти и хотя ихъ «исправляли», все же они вносили въ старообрядчество значительную дозу духа господствующей церкви, и чѣмъ больше ихъ переходило, тѣмъ больше невидимыхъ, но цѣпкихъ нитей набрасывалось на старообрядчество. Пойди исторія и дальше такимъ мирнымъ ходомъ, православіе безъ всякой борьбы увидѣло бы крупные для себя результаты. И еще знаменательное явленіе: въ самый расцвѣтъ иргизского и вольского старообрядчества, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, когда торжественно гремѣли колокола на старообрядческихъ храмахъ и когда священники изъ православія съ полной свободой шли «на исправленіе» и службу къ богатѣвшему

и расцвѣтавшему старообрядчеству, въ средѣ старообрядцевъ сама собой зародилась мысль объ единовѣріи. За полтораста лѣтъ повальной вражды и ожесточенного фанатизма это была первая свѣтлая мысль о примиреніи, первая попытка взглянуть трезвыми глазами на обрядность, изъ-за малѣйшаго искаженія которой тысячи людей губили другъ друга. Во главѣ этого свѣжаго движенія встали главари старообрядчества: иргизскій наставникъ инокъ Сергій, вольскій миллионеръ Злобинъ, гремѣвшій не только по всей Волгѣ, но извѣстный въ Петербургѣ и чуть-ли не во всей Россіи, вольскіе купцы—Волковойновъ, Сапожниковъ, Епифановъ и другіе. Рука примиренія уже тянулась отъ старообрядчества къ протянутой рукѣ православія. Конечно, огромное большинство старообрядцевъ грозно заволновалось и стѣной встало на защиту «истиннаго православія». Но въ маленькой кучкѣ реформаторовъ были вожди, сильные духомъ, деньгами и положеніемъ. При мирномъ, естественномъ ходѣ вѣщей единовѣрію предстояла блестящая будущность. Случилось-же иное. Протянутая къ старообрядчеству рука вскорѣ стала дрожать отъ нетерпѣнія и раздраженія. Полуторавѣкогой испугъ, вражда и недовѣріе темной массы не были поняты и прощены. Нетерпѣливо захотѣлось поскорѣе разбить закоренѣлое упорство, и для дѣла примиренія властная рука вооружилась плетью, прикладами, пожарными насосами. Въ результатѣ побѣды—опустѣвшіе монастыри и опустошенныя церкви. Они достались единовѣрію. Но «церкви не въ бревнахъ, а въ ребрахъ»,—говорятъ старообрядцы. Люди разбрѣжались, старообрядчество осталось такимъ-же въ числѣ, и побѣды, въ сущности никакой не было.

Въ 1826 году въ Вольскѣ былъ деревянный старообрядческій храмъ, съ крестами и колоколами (Львовская часовня), и въ томъ-же году былъ достро-

енъ разрѣшенный старообрядцамъ высшей властью каменный обширный храмъ. Онъ стоилъ около 100 тыс. рублей и былъ для скромнаго Вольска грандіознымъ сооруженіемъ. Но сердца старообрядцевъ ликовали прежде временно. Съ этого года померкло свѣтлое небо надъ ними. Святить новую церковь не дозволили. Губернаторъ Голицынъ рѣшилъ взяться желѣзной рукою за старообрядцевъ. Въ 1826 г. онъ велѣлъ снять кресты со старого храма въ Вольске. Львовская часовня была обезглавлена, и это былъ первый тяжкій ударъ для вольскихъ старообрядцевъ. Въ то-же время губернаторъ хлопоталъ въ Петербургѣ, добиваясь разрѣшенія принять рѣшительныя мѣры. Ему дѣятельно помогалъ пензенскій преосвященный Ириней. Въ 1830 году было рѣшено допустить богослуженіе въ новомъ храмѣ, но снять съ него кресты и колокола. Кресты и колокола сняли при громадной толпѣ рѣдавшихъ старообрядцевъ. «Это была,—говоритъ Соколовъ въ своей книжѣ,—одна изъ побѣдъ православія, которая, по своимъ послѣдствіямъ, стоила ему дороже пораженія». Не сіялъ больше крестъ надъ старообрядчествомъ, и не гудѣли призыва колокола. Онѣмѣла запуганная старая церковь и находится въ этой нѣмотѣ до сихъ поръ.

Когда я былъ въ Хвалынскомъ старообрядческомъ монастырѣ Черемшанѣ, настоятель его, Феодосій, встрѣтилъ меня сурово, непривѣтливо. Съ неподвижнымъ лицомъ, исподлобья оглядывалъ онъ меня подозрительными глазами и молчалъ. Смущенно молчаль и я, не зная, какъ пробить естественный ледъ недовѣрія. Передъ часовней я увидѣлъ висѣвшую на веревкѣ чугунную доску.

— Это для чего?—спросилъ я.

Настоятель молча взялъ висѣвшую тутъ-же деревянную колотушку и съ силой ударила по доскѣ. Въ воздухѣ понесся глухой, дребезжащий звонъ.

— Словно колоколъ! — похвалилъ я.

И совсѣмъ неожиданно для меня неподвижное лицо настоятеля потеплѣло и размягчилось.

— Въ городѣ, за четыре версты слыхать! — сказа́ль онъ съ дѣтской хвастливостью и довѣрчиво улыбаясь мнѣ, — и то лѣтось исправникъ говорить: «это что у васъ, вѣ колоколь звоните?» — «Какой, говорю, колоколъ, ваше благородіе! вѣ било бьемъ!» — «То-то, смотрите, говоритъ, у меня»...

И настоятель съ колотушкой вѣ рукѣ нѣжно глядѣлъ на чугунную доску. Съ новымъ чувствомъ посмотрѣлъ на нее и я.

Да, словно глухо-нѣмой, издаётъ она глухіе и дикіе звуки, но все-же они похожи на колокольный звонъ, все-же церковь не молчитъ, а зоветъ къ себѣ громкимъ голосомъ и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ, и къ утреннѣ... Остальное старообрядчество лишено и этого. Вѣ православныхъ храмахъ гремитъ торжественный благовѣстъ, вѣ нѣмецкихъ церквяхъ гудитъ колоколъ, даже вѣ татарскихъ мечетяхъ раздается съ верхушки минарета призывной голосъ мудзинна. Одни старосб҃ядцы при мертвомъ молчаніи бредутъ вѣ свои молчаливя «моленные». Нужно быть старообрядцемъ, чтобы почувствовать, какая печаль для сердца вѣ этой безсильной нѣмотѣ церкви...

Все это понялъ я, когда настоятель Щеодосій за одно сравненіе чугунной доски съ колоколомъ прости́лъ мнѣ мое бритое, еретическое лицо, показалъ свой храмъ и рассказалъ, что могъ.

Естественно, что снятіе креста и колокола не содѣйствовало успѣху единовѣрія. Между тѣмъ, начальство упорно шло по этому пути.

Съ 1835 года саратовскимъ губернаторомъ былъ Степановъ. Для пользы церкви онъ дѣйствовалъ круто и прямолинейно.

«Ваше Величество, — докладывалъ снѣ свой

взглядъ на старообрядцевъ Императсу Николаю I, — я приведу ихъ къ одному знаменателю». И, вѣроятно, старообрядчеству было бы еще горше, если-бы излишне рьяному ревнителю православія не было разъяснено императоромъ: «Безъ строгихъ мѣръ; надо дѣйствовать осторожно и не раздражая». Можетъ быть Степановъ искренно полагалъ, что онъ дѣйствуетъ не строго, осторожно и не раздражая, когда съ казаками и солдатами, нагайками и насосами изгонялъ старообрядцевъ изъ монастырей...

Съ 1841 года губернаторомъ былъ Фаддеевъ. Онъ докончилъ разгромъ старообрядчества. Да ужъ и доканчивать почти нечего было: у всѣхъ поволжскихъ старообрядцевъ оставался вѣ Вольскѣ единственный священникъ Прохоръ Любимовъ. Вѣ 1844 году Львовская часовня была заперта и опечатана, а Прохоръ арестованъ. Ему настойчиво предложили перейти вѣ единовѣріе. Онъ далъ вѣ этомъ подпись, но вѣ то-же время попросилъ отпустить его за штать и снять съ него санъ. Старообрядцы остались безъ священства, но вѣ единовѣріе не шли. Вѣ 1845 году вольскій каменный храмъ переданъ вѣ единовѣріе. Съ нимъ перешло 30 человѣкъ, къ которымъ потомъ прибавилось еще нѣсколько старообрядцевъ. А заключенная и запечатанная Львовская часовня все еще имѣла вокругъ себя около 10 тысячъ старообрядцевъ.

И вотъ съ тѣхъ поръ прошло шестьдесятъ лѣтъ. Львовская часовня все еще стоитъ пустая и заколоченная. Почернѣвшая, обветшала, обезглавленная, съ продавленными зияющими окнами стоитъ она предъ смѣняющимися поколѣніями молчаливымъ укоромъ. А вѣ каменному храму молятся единовѣрцы. Подъ большиіе праздники, Пасху, Рождество, когда пятисотъ-пудовый колоколъ единовѣрческой церкви сотрясаетъ ночную тьму мощными ударами, тысячи старообрядцевъ во всѣхъ концахъ города поднимаются и идутъ...

въ свои молчаливыя «моленныя». Въ низкихъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ тысячная толпа задыхается въ давкѣ и духотѣ, а подъ высокими сводами единовѣрческой церкви гулко раздаются шаги немногихъ прихожанъ.

Единовѣрцевъ считается въ городѣ нѣсколько сотъ; старообрядцевъ также, какъ и прежде, не менѣе десяти тысячъ. мнѣ самому приходилось видѣть старииковъ старообрядцевъ, которые указывая на единовѣрческий храмъ, говорили: «наша церковь»,—но молиться шли въ моленную.

Съ опытомъ единовѣрія еще разъ было доказано, что система страха производитъ глубокое и на многие годы впечатлѣніе, да только въ совершенно другомъ направлѣніи.

IV.

Старая церковь была сломана, расколота и раздроблена. Настало тяжелое, смутное время. Какъ овцы, внезапно распугнутыя въ глухую ночь среди рѣвинъ и овраговъ незнакомаго поля, старообрядцы бѣжали въ разныя стороны, прятались по угламъ и съ испуга не призывали одинъ другого. Съ этого времени пошло быстрое дробленіе старой вѣры на по повѣцевъ, безпопсвцевъ, австрійцевъ, бѣглопоповцевъ, поморцевъ, єедосеевцевъ, средниковъ, перекрещенцевъ и десятки другихъ толковъ. Потомъ, когда вновь повѣяло свѣжимъ вѣтромъ свободной жизни, изъ разбитыхъ кусковъ старой церкви создались двѣ крупныхъ церковныхъ организаціи—австрійская и бѣглопоповская. Но множество мелкихъ осколковъ вѣры упали на самое дно жизни и здѣсь въ темнотѣ, безъ воздуха и свѣта, выпустили уродливые и жалостныеростки.

Мнѣ въ Вольскѣ пришлось долгое время жить въ такомъ кварталѣ, который, по странной случай-

ности, весь состоялъ изъ представителей различныхъ сектъ. Нужно замѣтить, что дѣленіе на секты и толки дѣлается только потому, что всегда человѣку хочется дать каждой вещи название. И название сектамъ, по большей части, даютъ посторонніе наблюдатели, а сами старообрядцы-одиночки затрудняются опредѣлить свое вѣроисповѣданіе. «Такъ, дома молимся... Нѣтъ нынче нигдѣ истинной церкви». Сброшенные на низъ жизни, они ощупью, съ мучительнымъ напряженіемъ затемненного мозга ищутъ святой жизни, истинной церкви и, не видя ея вокругъ себя, молятся въ своихъ кельяхъ въ одиночку или маленькими кучками. Многіе притомъ не только молятся, но и всю свою жизнь ломаютъ и перестраиваютъ по выработанному вѣроученію.

Съ того двора, гдѣ я жилъ, каждую субботу, лишь только въ единовѣрческой церкви раздастся первый ударъ тяжелаго колокола, выходилъ строгій, высокій стариикъ, въ длинномъ, широкомъ халатѣ стариннаго покрова, съ волосами, остриженными «въ кружало», смазанными деревяннымъ масломъ и причесанными прямымъ проборомъ. И картузъ на немъ сидѣтъ строго и прямо, и походка его сосредоточенно-строгая. За нимъ вскорѣ выходитъ жена его, въ платкѣ, низко надвинутомъ на глаза, и лицо ея, по чистотѣ и строгости выраженія, близко напоминаетъ темные лики старыхъ иконъ, которымъ она неустранно молится. Они идутъ ко вѣнонѣй въ бѣглопоповскую «новиковскую моленную».

Они принадлежатъ къ большой, многотысячной старой церкви, и жизнь ихъ, при всей религіозной суровости, носитъ печать спокойной, удовлетворенной и увѣренной въ себѣ старой культуры.

Рядомъ живутъ єедосеевцы-безбрачники. Ихъ двое: мужъ и жена. Живутъ они, какъ братъ съ сестрой. Оба тихіе, скромные, одѣты заботливо и оп-

рятно, и въ комнатахъ у нихъ необыкновенно чисто и опрятно. Но почему-то отъ всего и отъ нихъ самихъ вѣтъ неуловимой печалью, какъ будто здѣсь завяла и погасла жизнь, и впереди для нихъ не чувствуется ничего, кромѣ темной пустоты... Наканунѣ праздниковъ у нихъ дома свѣтятся лампадки, слышенъ голосъ хозяина, нараспѣвъ, съ характерными, тоскливыми повышеніями и пониженіями, читающаго по старой книгѣ вечернюю службу, и видны частые земные и поясные поклоны предъ иконами... Въ праздники хозяинъ, въ опрятномъ картузѣ и кафтанѣ, ходить, постукивая палочкой, по своему вычищенному двору, и все почему-то сердце щемить, когда видишь его печальные глаза и блѣдное лицо.

По другую сторону живутъ двѣ старыя дѣвицы. У нихъ «своя» вѣра. Наканунѣ праздниковъ, къ нимъ приходитъ нѣсколько старухъ и женщинъ, и онѣ поютъ и читаютъ «вечерню». Утромъ въ праздники онѣ служатъ «часы», и протяжное ихъ пѣніе, унылое и слегка гнусавое, раздается по всему кварталу. Кромѣ того, онѣ—«мастерицы», т. е. обучають дѣтей азбукѣ и «псалтирю». По буднямъ на ихъ «галдарейкѣ» звенятъ и надрываются съ утра до вечера дѣтскіе голоса, складывающіе: «буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва, глаголь-азъ—га»... А проходящіе старшій курсъ съ плачущимъ напряженіемъ, по слогамъ, выкрикиваютъ: «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ исчестивыхъ и на пути грѣшниковъ не стоя».. Слышится по временамъ грозный крикъ мастерицы, щелканье ременной «двухвостки» и захлебывающейся плачъ воспитанника.

Въ слѣдующемъ домѣ—старикъ и старушка неизвѣстного толка; молятся дома. Старикъ долго, съ большимъ усердiemъ выступжалъ топоромъ, занимаясь плотничествомъ, а потомъ внезапно бросилъ свою старуху и скрылся. Послѣ уже открылось, что гдѣ-то

на Уралѣ онъ постригся въ монахи и живетъ отшельникомъ.

Рядомъ съ ними обитаетъ старуха съ сыномъ. Ее причисляютъ къ sectѣ перекрещенцевъ, но никому ничего о внутренней ея жизни неизвѣстно. Она занимается тѣмъ, что «припускаетъ піявки». Кто-бы чѣмъ ни былъ боленъ: чахотка, катаръ желудка, кашель, ломота,—она всѣмъ совѣтуетъ «припустить піявокъ», чтобы выбросить «дурную кровь». Пациентовъ у нея всегда очень много. Дома она всегда накрѣпко запирается и закрывается ставнями. Всегда низко кланяется, говорить убитымъ, елейнымъ тономъ. Ея сынъ, забитый и несуразный мальчиконка, котораго уличные товарищи называютъ «шалапутнымъ», выбѣгаєтъ на улицу съ зеленою лампадкой въ карманѣ, чтобы не «обмирщиться». Этой лампадкой приказано ему, когда захочетъ, пить воду изъ бассейна, но отнюдь не притрогиваться къ «мірскимъ» «опоганеннымъ» чашкамъ.

Впрочемъ, въ скоромъ времени товарищи торжественно разбили вдребезги его зеленую лампадку и тѣмъ пріобщили его къ міру: сначала съ ужасомъ, а потомъ съ восторгомъ онъ научился пить и ъсть изъ «мірской» посуды.

Не «мирщиться»—это тяжелый и грустный результатъ изуродованной и загнанной религіозной мысли. Къ нему невѣдомыми путями приходятъ всѣ эти одиночки-отщепенцы и представители малочисленныхъ sectъ. Если міръ загналъ и отбросилъ ихъ, то и они отбрасываютъ его, и отбрасываютъ совершенно искренно за его «еретичество» и «опоганенность». Такой сектантъ никому не дастъ пить и ъсть изъ своей чашки и самъ нигдѣ не притронется къ чужой посудѣ. Случается даже такъ, что въ одномъ домѣ мужъ съ женой, отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью ъдятъ изъ разныхъ чашекъ, боясь опоганиться. И

когда видишь это вблизи, на живыхъ людяхъ, гнетущая мысль не выходитъ изъ головы: какъ же нужно было ухать, травить и угнетать людей въ теченіе многихъ поколѣній, чтобы такъ перекривить ихъ сознаніе, изуродовать религіозное чувство и язычника-славянина, съ широкой, открытой, гостепріимной душой, превратить при посредствѣ христіанской религіи, проповѣдывающей широчайшую, всечеловѣческую любовь, въ одичавшаго фанатика-человѣконенавистника?

Если-же спуститься еще ниже, въ глубину жизни, почти недоступную для наблюденія, то плоды религіозной мысли, при взаимномъ воздействиіи давленія и невѣжества, являются поистинѣ по трясающими.

Тамъ назрѣваютъ и подготавляются событія, въ родѣ тираспольского, когда люди зарываютъ себя живыми въ землю, сжигаютъ въ огнѣ, умерщвляютъ голодомъ... Невольно приходитъ въ голову такое сравненіе: на снимкахъ изображаютъ жизнь на днѣ моря; подъ колоссальной тяжестью мутно-зеленої толщи, въ вѣчномъ сумракѣ плаваютъ осклилзлыя, безконечно тягучія водоросли, безформенные губчатыя массы, а изъ-за нихъ медленно выползаетъ безобразное чудище, съ круглыми, неподвижными глазами, съ клейкими щупальцами... Жутко и отвратительно смотрѣть на этотъ безформенно-осклилзлый міръ и хочется поскорѣе обратить взглядъ на наружную свѣтлую жизнь, зеленую, веселую, съ тонкими, изящно-законченными формами растительного и животнаго міра. Страшно сказать, но почти такая же оторопь и жуть охватываетъ, когда на самомъ низу жизни встрѣчаешься лицомъ къ лицу съ фанатикомъ—одиночкой и сектантомъ. Ничего не можешь понять и увидѣть въ его помрачнѣвшей душѣ, но чувствуешь, что мысли его ползутъ и свиваются, словно странныя, безконечныя, безформенные водо-

росли, а свѣтлое религіозное чувство изломалось, изуродовалось и превратилось въ чудище, которое цѣпкими щупальцами полубезумныхъ суевѣрій облизлось вокругъ разума сектанта и тянетъ его все глубже въ омутъ жизни, дальше отъ солнца, отъ людей...

Какъ-то я былъ въ книжной лавкѣ въ Вольскѣ. Въ магазинѣ вошелъ, нерѣшительно озираясь, молодой мужикъ съ блѣдными, подтянутыми щеками и странно мерцающими глазами. Онъ всталъ и молчалъ, тревожно и пытливо бѣгая глазами по нашимъ лицамъ, по книжнымъ полкамъ.

— Ну, что вамъ угодно?—спросилъ приказчикъ.

Мужикъ шагнулъ къ нему ближе и вытянулъ худую шею.

— Мнѣ-бы такую книгу,—зачинаясь заговорилъ онъ,—съ молитвами... насчетъ драконовъ и бѣсовъ...

Магазинный мальчикъ громко фыркнуль. Приказчикъ, уставшій отъ возни съ покупателями, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ:

— Какіе тамъ еще драконы... Нѣть у насъ такихъ книгъ.

Мужикъ тревожно дернулся, втянулъ шею въ плечи и повернуль ко мнѣ лицо. На меня глядѣли расширенными зрачками глаза, полные такого мистического ужаса и отчаянія, что я почувствовалъ себя словно на краю притягивающей къ себѣ бездны.

— Противъ какихъ драконовъ нужны вамъ молитвы?—постарался я спросить, насколько могъ, мягче и участливѣе.

Мужикъ быстро вытянулъ ко мнѣ голову на тонкой шѣѣ:

— Каждю ночь... Драконы, эмѣи огнедышащи... бѣсы съ красными языками.. Прыгаютъ, хватаютъ... Ташугъ...—торопливо и съ ужасомъ проговорилъ онъ.

— Вы женаты?—спросилъ я его.

Онъ слегка отшатнулся, быстрымъ, пронизыва-

ющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня и неохотно, отрывисто произнесъ:

— Нѣту, не женатъ.

— А живете гдѣ?—осторожно и мягко спросилъ я.

Онъ съ подозрительнымъ испугомъ метнулъ на меня глазами, быстро потупился и, надѣвая картузъ, забормоталъ:

— Нѣть ужъ... Чего ужъ... Христосъ съ вами.. Коль книги нѣть, такъ ужъ... Простите, Христа ради ..—И быстрой, убѣгающей походкой онъ вышелъ изъ магазина.

Это былъ безбрачникъ-аскетъ изъ заволжскихъ хуторовъ.

Драконы загнали его въ магазинъ, и онъ, съ отчаянія и ужаса, приподнялъ предъ нами уголокъ завѣсы надъ бездной своей души.

Но вся цѣликомъ жизнь такихъ людей, сколько ни вглядывайся въ нее, безнадежно непонятна. Она даже кажется безумной, хотя имѣетъ глубокія и почти святыя причины. Вѣдь это современное подвижничество, съ удаленіемъ отъ всѣхъ людей, самоистязаніемъ, голодовкой, изнуреніемъ на молитвѣ, совершается въ подражаніе древнимъ образцамъ. Но древніе подвижники, хотя не рѣдко тоже страдали отъ распаленного воображенія съ налетающими драконами, умѣли достигать высокаго душевнаго равновѣсія. Теперь—не то.

Блескъ и шумъ волнующейся вокругъ жизни не даютъ ищущей душѣ успокоиться на подвигахъ умерщвленія тѣла.

Въ томъ же книжномъ магазинѣ я нѣсколько разъ встрѣчалъ другого сектанта-самоистязателя. Онъ ушелъ отъ отца и братьевъ, жилъ въ отдельной конурѣ, не ъѣлъ мяса, не пилъ чаю; хлѣбъ, вода, молитва,—вотъ къ чему свелась его жизнь. Но никако-

го душевнаго удовлетворенія онъ не чувствовалъ. Въ книжный магазинъ онъ ходилъ разспрашивать о старинныхъ книгахъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что святая истина скрывается въ старинныхъ книгахъ. Ихъ онъ читалъ, изучалъ, покупалъ и выписывалъ на послѣднія деньги. Много разъ я говорилъ съ нимъ, но совершенно не могъ понять, на чёмъ зиждется его религіозное мировоззрѣніе. Отрицательная часть у него была разработана превосходно. Многочисленными выдержками изъ библіи и разныхъ старинныхъ книгъ онъ убѣдительно доказывалъ, что теперь на землѣ не существуетъ ни истинной церкви, ни священства; но въ чёмъ заключалась его собственная истинная церковь, онъ не могъ или не желалъ объяснить. И когда я слушалъ его длинныя, горячія, но совершенно темные рѣчи, мнѣ тяжело было глядѣть на этого умнаго мужика. Куда пошла его безцѣнная желѣзная энергія, его широкая душа и безграничное стремленіе къ святой жизни! Развѣ не трагедія души—искать Бога не вверху, а внизу? Съ отчаяніемъ и упорствомъ забивается онъ все глубже на мутное дно жизни, ощупываетъ въ темнотѣ корявые отбросы отжившихъ мыслей и бѣжитъ отъ всѣхъ людей, какъ отъ заклятыхъ враговъ. И невольно думаешь, наблюдая этихъ людей: вотъ что значитъ запугать человѣка и отогнать его отъ общей жизни.

V.

Безцѣнное свойство человѣка—вѣчное творческое искашеніе общественныхъ формъ—сплотило старообрядцевъ. Какъ въ разшвырнутомъ ногой муравейникѣ сейчасъ-же начинается неутомимая, горячая работа для возстановленія сводовъ зданія, такъ и старообрядцы по бревнышку лѣпили снова разрушенную старую церковь... Но трудно было. Изъ православія священники, боясь суровыхъ наказаній, не шли. А

безъ пастыря какъ и куда поведешь темное стадо? Главари старообрядчества замѣчали, что много ужъ овецъ отбилось отъ общей кучи и заблудилось въ непролазной чащѣ отдельныхъ толковъ, сектъ и разногласій. Нужно было спѣшить. И тутъ ярко выплыла мысль, которая давно уже заманчиво мерешилась отдельнымъ старообрядцамъ. Нужно искать не священника, а епископа, и пусть онъ будетъ первонаучальникомъ старообрядческой іерархіи: отъ него-же, какъ отъ плодовитой лозы, неизсякаемо пойдутъ преемственно всѣ церковные чины—діаконы, священники, епископы. Въ 1846 году эта мечта, послѣ многихъ поисковъ, осуществилась. Амвросій—епископъ босно-сараевской епархіи, отставленный константинопольскимъ патріархомъ, согласился принять главенство въ старообрядческой церкви. Его «исправили» и поселили въ Бѣлой Криницѣ, за австрійской границей. Сейчасъ-же его заставили рукоположить себѣ преемника—Кирилла. И поэтому, хотя черезъ годъ Амвросій былъ отправленъ въ ссылку, старая церковь оказалась вновь и прочно воздвигнутой. Конечно, многія тысячи глазъ хмуро и недовѣрчиво глядѣли на это новенькое, но скоропоспѣшное зданіе: истинная-ли эта церковь? И сохранилась-ли у Амвросія при переходѣ отъ никоніанъ благодать хиротоніи? Огромная часть старообрядцевъ такъ и не пошла, оставшись при бѣглыхъ попахъ, многіе рѣшили и совсѣмъ безъ поповъ обходиться, такъ какъ истинное священство уже погасло на землѣ. Но значительное число старообрядцевъ съ восторгомъ пошло въ свою новую «австрійскую» церковь. Конечно, говоря по правдѣ, и здѣсь облако сомнѣнія у многихъ нерѣдко омрачало радость, но распаленному жаждой путнику некогда всматриваться въ свѣжесть источника, который неожиданно блеснулъ предъ истомленными глазами.

Православное духовенство не признавало и до сихъ поръ не признаетъ «австрійской» церкви. Не признаютъ ее до сихъ поръ и многіе старообрядцы. А непризнанная церковь все росла и созидалась за истекшія шестьдесятъ лѣтъ, и теперь ее нельзя ужъ не замѣчать: она стоитъ во главѣ старообрядчества со своими многочисленными молельнями, съ золотыми иконостасами и массивными паникадилами, епископами, священниками, діаконами и все растущимъ числомъ прихожанъ. Не достаетъ лишь крестовъ на куполахъ и колоколовъ, чтобы старая церковь ожила въ прежнемъ благолѣпіи. На старообрядцевъ разныхъ толиовъ вѣть отъ австрійской церкви плѣнительнымъ воздухомъ вѣры предковъ, воскресившей прежнюю стройную организацію, и немудрено, что многіе ожесточенные противники «австрійщины» смягчаются и, склонивъ покорную голову, вступаютъ членами въ гостепріимную церковь. Этотъ растущій успѣхъ заставляетъ все мрачнѣе смотрѣть на «австрійцевъ» какъ непреклонныхъ старообрядцевъ другихъ толковъ, такъ и православное духовенство. Спокойному зрителю со стороны странно и грустно видѣть эту близорукую вражду. Чадъ и жарь борьбы мѣшаютъ православнымъ разглядѣть, что австрійская церковь,umnожаясь и прихватывая на пути отставшихъ, почти одичавшихъ старовѣровъ, широкими шагами идетъ не отъ православія, а къ православію. Это сближеніе дѣлается, если не будетъ препятствій, все неизбѣжнѣе. А еще цѣннѣе—австрійская церковь ведеть своихъ членовъ, забѣжавшихъ отъ общей жизни въ непролистную темноту, снова къ свѣтлой жизни всего современного общества. Одиночекъ сектантовъ, съ ихъ самоистязаніемъ и огненными драконами, отдѣляется отъ насъ почти тысяча лѣтъ. Они все еще переживаютъ пещерный періодъ, получая отъ религіи не радостное просвѣтленіе, а тягостный ужасъ темнаго

ума, запутавшагося въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ. Австрійскую церковь, если даже она вполнѣ желаетъ сохранить до-никоновскій духъ, отдѣляютъ отъ насы всего двѣсті-триста лѣтъ. Какъ переходный этапъ, ея роль и теперь значительна, и еще значительнѣе она будетъ, если дать этой церкви свободный просторъ. Подхватывая на пути пещерныхъ и другихъ, отставшихъ отъ общей жизни старовѣровъ, она сразу придвигаетъ ихъ къ намъ на нѣсколько столѣтій. И въ то-же время сама она неуклонно стремится все къ большей близости съ современнымъ обществомъ. Мѣшаютъ этому перегородки, въ которыя загнали старообрядцевъ двѣsti лѣтъ назадъ и которые до сихъ поръ не разгораживаются. Съ самаго начала была избрана ложная система: отогнали людей отъ общей жизни, загородились отъ нихъ стѣной и потомъ изъ этой кучи напуганныхъ, раздраженныхъ отщепенцевъ старались, путемъ угрозъ и запугиваній, выхватывать по одному. И это называлось «обращеніемъ»! Между тѣмъ, стоитъ только отбросить перегородки,—враждующія стороны окажутся лицомъ къ лицу, и при ясномъ свѣтѣ общей жизни онъ скоро разглядятъ, насколько странна и дика вражда, ядовитымъ туманомъ, поднимающаяся изъ зараженного источника вѣчнаго мира и любви...

Въ этихъ перегородкахъ всякихъ ограниченій, въ этой тѣсной клѣткѣ толпятся старообрядцы и теперь. Кругомъ гудитъ веселый міръ, а старообрядцы хмуро глядятъ на него изъ своего отгороженнаго угла и жмутся подъ насмѣшилыми взглядами проходящей мимо, свободной толпы.

Особенно тягостно для старообрядцевъ презрѣніе и глумленіе надъ ихъ церквию.

Народъ русскій весь, вообще, сверху до низу, необыкновенно терпимъ, а главное—деликатенъ къ чужой вѣрѣ. Нѣмецкая кирка, мечеть, костель, ев-

рейская молельня въ общей массѣ нашего народа всегда вызываютъ почтеніе, какъ чужая, непонятная, но несомнѣнная святыня. Старообрядцевъ же преслѣдуютъ колючими насмѣшками на каждомъ шагу.

Мрачный взглядъ изъ-подлобья явился у старообрядцевъ какъ неизбѣжный результатъ долголѣтнаго уханья и травли. Причиной послужило то, что старообрядцы съ самаго начала отброшены отъ закона.

Евреи, нѣмцы, татары—«геретики» и «басурмане», но у нихъ оставленъ ихъ «законъ», собственная вѣра. У старообрядцевъ нѣтъ признанной вѣры. Они—отступники, бунтовщики. Ихъ вѣра—уродство, суевѣrie. Такой печатью заклеймили ихъ два съ половиною вѣка назадъ, и это клеймо до сихъ поръ вызываетъ въ народѣ брань и насмѣшки надъ старообрядцами. «Австрійцы» имѣютъ теперь епископовъ, священниковъ, діаконовъ, но законъ и православіе совершенно не признаютъ ихъ, и всѣ православные относятся къ нимъ поэтому съ глумленіемъ. Это—самая больная и все еще свѣжая рана старообрядцевъ. Религіозное чувство въ народѣ всегда стояло выше всего, а здѣсь его унижаютъ и гонятъ...

Не признается закономъ и церковное общество старообрядцевъ. Поэтому молельни и всякаго рода церковныя недвижимости старообрядцы принуждены пріобрѣтать на имя отдельныхъ лицъ. А это, какъ и всякое «беззаконіе», влечетъ весьма часто непріятнаго послѣдствія. Года четыре назадъ въ Вольскѣ произошелъ, напримѣръ, такой случай. На имя «австрійскаго» діакона былъ обществомъ купленъ домъ, который долженъ быть, по словесному уговору, оставаться церковной собственностью. Діаконъ обладалъ превосходнымъ баритономъ. Мнѣ нѣсколько разъ довелось послушать его артистическое служеніе. За это искусство діакона свои-же старообрядцы переманили въ Москву, а діаконъ при отъѣздѣ спо-

койнымъ образомъ продалъ церковный домъ. И старообрядцы ничего не могли подѣлать: «бумага» была сдѣлана на него. Извѣстные черемшанскіе старообрядческіе мужской и женскій монастыри близь Хвалынска тоже не признаются закономъ. По закону, «на бумагѣ», никакихъ монастырей не существуетъ, а есть только богадѣльни, принадлежащія хвалынскимъ обывателямъ—Шикину, Абакумову, Кащею и другимъ («австрійская духовная консисторія», какъ ихъ называютъ здѣсь) Эта юридическая ненормальность вызываетъ въ Черемшанѣ крупная столкновенія, а три года назадъ вышелъ даже цѣлый «бунтъ»: монахи взбунтовались противъ своей «консисторіи» и дѣло дошло до полиціи, тюрьмы и суда. Обширная, обставленная, какъ церковь, австрійская молельня въ Вольскѣ также принадлежитъ юридически не общству: «бумага сдѣлана» на десять лицъ (бр. Парфеновыхъ, Вилкова и другихъ), и это, конечно, также грозитъ, въ случаѣ ссоры и самолюбія заправиль, всякими непрѣятностями для многотысячного общества молящихся. Такая же зависимость старообрядческихъ обществъ отъ богатыхъ заправиль установлена закономъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Притомъ открытіе молелень и при такихъ условіяхъ разрѣшалось чрезвычайно неохотно (теперь стало легче). Вольская молельня строилась, якобы, подъ рогожное заведеніе и только впослѣдствіи было исхлопотано разрѣшеніе на молитву. Эти кривые по темнымъ закоулкамъ обходы закоча породили новое обидное название для вольскихъ старообрядцевъ: кроме обычныхъ прозвищъ «колугуръ», «калуhanъ», здѣсь старообрядцевъ еще обзываютъ: «Эй ты, изъ рогожнаго заведенія!..», «Ну, ужъ ты, рогожной вѣры!..». «Рогожной вѣры», «Дуниной вѣры», «колугуръ», «калуhanъ»—все это клейма отверженности старообрядцевъ отъ общей жизни и закона. Нѣтъ

признанной церкви, а есть только унизительныя клички...

Еще тяжелѣе и запутаннѣе положеніе старообрядцевъ въ области брака. Нѣтъ законнаго брака, нѣтъ законныхъ дѣтей. Правда, введенъ облегчительный законъ 19 апрѣля 1874 года для записи старообрядческихъ браковъ въ полицейскія метрическія книги. Этотъ законъ устанавливаетъ что то вродѣ гражданскаго брака, и видимой либеральности его могутъ даже позавидовать всѣ православные: стоитъ только старообрядцу, любого толка, подать прошеніе, привести свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что брачущіеся обвѣнчаны по своему обряду (къмъ угодно), и бракъ узаконяется. Но эта широкая свобода влечетъ множество печальныхъ послѣдствій Во-первыхъ, горькая обида для старообрядцевъ, что совершенно отметается церковное начало брака: запись полицейской книги ставится выше таинства, въ которое глубоко вѣруютъ старообрядцы. Поэтому всѣ крайне неохотно обращаются въ полицію, всячески оттягивая срокъ записи. Во-вторыхъ, большинство старообрядцевъ, въ простодушномъ незнаніи вообще законовъ, не подозрѣваютъ и о существованіи этихъ записей. Обвѣнчались, значитъ—дѣло крѣпко, «обзаконились», —убѣждены они. И для нихъ, дѣйствительно, крѣпко, потому что они нерушимо чтутъ святость брака. Но при первой встрѣчѣ съ закономъ, въ случаяхъ наслѣдства, дѣлежей, судьбищъ и т. д., положеніе такой «незаконной» семьи, съ незаконными супругами и дѣтьми, оказывается чрезвычайно беспомощнымъ. Много и злоупотребленій совершается на этой почвѣ. Иной молодецъ превосходно знаетъ о полицейскихъ метрическихъ книгахъ, но не говоритъ объ этомъ молодой, ничего не вѣдающей женѣ. «Надоѣсть—брошу, женюсь на другой»,—размышляетъ такой законовѣдъ. И весьма часто такъ и бываетъ:

молодая женская испорченная жизнь отбрасывается въ сторону, и беззастѣнчивая рука протягивается къ другой довѣрчivой душѣ. Законъ-же здѣсь безсиленъ, потому что онъ остался въ сторонѣ.

Для австрійцевъ наблюдать такія семейныя драмы особенно грустно, потому что они давно уже завели у себя метрическія книги, куда аккуратно записываются и браки, и рожденія, и крещеніе. Но для закона всѣ эти записи—пустая бумага. Гдѣ нѣтъ церкви и священства, тамъ не можетъ бытъ и записей церковныхъ таинствъ.

Въ послѣднее время высшія судебныя учрежденія стали обращать вниманіе на отверженность старообрядцевъ отъ общаго закона. Наиболѣе интересно рѣшеніе Сената осенью 1902 года по дѣлу Снѣтковой: Сенатъ опредѣлилъ, что бракъ, совершенный по старообрядческому вѣроисповѣданію и незаписанный въ полицейскія метрическія книги, не можетъ бытъ расторгнутъ самолично однимъ изъ повѣнчанныхъ. При этомъ сдѣлано драгоцѣнное поясненіе: «старообрядцы, пріемлющіе священство, безспорно, принадлежать къ числу христіанскихъ вѣроисповѣданій». Такимъ образомъ Сенатъ призналъ старообрядческій бракъ церковно христіанскимъ и нерасторжимымъ. Но если такъ, то что-же мѣшаєтъ признать законность существованія всей старой церкви? Сенатское рѣшеніе известно одному изъ миллиона старообрядцевъ. Воспользоваться имъ можно только черезъ судъ, доказывая свидѣтелями наличность брака.

А если бракъ совершенъ тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ? Если одинъ изъ супруговъ давно умеръ? Гдѣ искать свидѣтелей, и повѣритъ ли имъ судъ? Между тѣмъ, по простой логикѣ, если церковный бракъ законенъ, то законны и тѣ метрики, въ которыхъ онъ записанъ, а также законны священники, совершившіе его, и законна вся церковь. Совершенно непонятны

причины, мѣшающія свободному вздоху десятковъ и сотень тысячъ людей. Уже сто лѣтъ тому назадъ православная церковь сдѣлала прекрасную попытку примиренія со старообрядчествомъ: учредивъ единовѣріе, она простила и освятила всѣ старые обряды. Единовѣрцы теперь совершенно ничѣмъ по обрядамъ не отличаются отъ всѣхъ прочихъ старообрядцевъ, только священники ихъ ставятся православнымъ епископомъ. Но почему-же при тѣхъ-же самыхъ обрядахъ одни—единовѣрцы, а другіе—раскольники и отверженцы?

Давно пора заключить поспѣшный и мирный союзъ, давно пора забыть двухъ-вѣковую ссору. Она дѣлить русскихъ людей на враждебные лагери, вызываетъ ненужную взаимную злобу и безмѣрное количество понапрасну затраченной силы. Даже всѣ богословскіе вопросы давнимъ-давно были-бы дружелюбно разрѣшены, не будь страннаго раздѣленія на притѣсняемыхъ и притѣснителей. Только при равныхъ законныхъ и свободныхъ условіяхъ возможно прочное единеніе. Русская жизнь, безусловно, заиграетъ свѣтлыми, свѣжими красками, если рушится стѣна, загораживающая старообрядцевъ въ темномъ углу. Какъ зарытая въ землю кубышка, старообрядчество хранить богатый непочатый кладъ здраваго народнаго духа, который вольется въ общій потокъ уже замутившейся жизни мощнай и свѣжай струей.

VI.

Вмѣстѣ съ обломками и мусоромъ сувѣрій старая церковь донесла до насъ изъ темной глуби вѣковъ кое-что цѣнное и безусловно хорошее. Во гла- вѣ нужно поставить выборное начало. Церковь есть собраніе или общество вѣрующихъ. Всякое общество только тогда жизнеспособно и дѣйствительно, когда оно имѣетъ общіе интересы и цѣли и когда оно само

достигаетъ этихъ цѣлей, выбирая себѣ руководителей и исполнителей. Такъ это въ жизни и бываетъ. Общества приказчиковъ, сельского хозяйства, потребителей, земство, думы руководятъ сами общимъ направлениемъ дѣла, выбирая для техники текущаго дѣла и для разработки проектовъ совѣты, управлениа, комиссіи, предсѣдателей, членовъ и т. д. Устрани прямое воздействиe общества на свои дѣла, лиши его права выбирать себѣ исполнителей и руководителей, назначай послѣднихъ посторонней властью, и, очевидно, само общество въ дѣйствительности не будетъ существовать; останутся только приказывающіе и исполняющіе. Если чрезвычайно важно имѣть выборъ и довѣріе въ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ, то еще цѣннѣе такая организація въ главныхъ запросахъ духа и вѣры. Въ австрійской церкви эта область разработана и обеспечена превосходно. Епископы, священники, діаконы тщательно выбираются самимъ обществомъ изъ наиболѣе достойныхъ и соответствующихъ дѣлу одновѣрцевъ, которые затѣмъ уже возводятся въ санъ. Естественно, что общество, выбравъ, напримѣръ, священника, устанавливаетъ съ нимъ дружеское общеніе и взаимное довѣріе. Священникъ же чувствуетъ благодарность къ обществу за лестное и доходчое пастырское мѣсто. Взаимнымъ хорошимъ отношеніямъ трудно испортиться и дальше. Общество остается главнымъ хозяиномъ дѣла, и если-бы священникъ развилъ въ себѣ гордыню, или чрезвычайно ожаднѣлъ, или вообще какимъ-нибудь крупнымъ прокомъ началъ омрачать свой санъ и раздражать прихожанъ, то у общества имѣется право просить и требовать для такого священника перевода въ другой приходъ. Если-же іерей настолько опорочилъ и обезславилъ себя, что никакой приходъ, даже самый бѣдный, не желаетъ брать его, то ему остается только выйти за штатъ или скоротать остальные дни

своей скорбной жизни въ старообрядческомъ монастырѣ. Такой порядокъ защищаетъ прежде всего самое больное мѣсто въ отношеніяхъ пастыря къ пастѣ: плату за требы. Вѣра вѣрой, а деньги въ организмѣ современного общества представляютъ такие тонкие и болѣзенные нервы, что грубая рука, неосторожно дергающая за нихъ, тотчасъ-же помрачаетъ умы и вызываетъ демона вражды и озлобленія.

Это грустное явленіе особенно замѣтно въ православныхъ приходахъ. Здѣсь оно обостряется повальной бѣдностью сельского населенія. Молодой батюшка прѣѣзжаетъ въ чужое для него село съ молодой женой и значительными культурными привычками, которая стоять не дешево. Ломать, принижать, упрощать свою жизнь тяжело, почти невозможно, а для устройства уютного хозяйства необходимо дѣлать энергичные и тоже довольно тяжелые сборы съ этихъ сѣрыхъ, покривившихся изѣ, которая прижались къ выпаханной, истощенной землѣ. Чѣмъ бѣднѣе село, тѣмъ тягостнѣе взаимная отношенія священника и прихожанъ. Главная суть въ томъ, что священникомъ устанавливается, обыкновенно, известная, одинаковая для всѣхъ плата за требы, и эта плата, нетрудная для плечъ богатого крестьянина становится тѣмъ тяжелѣ, чѣмъ плечи, выдерживающія ее, бѣднѣе. Десять рублей за свадьбу, напримѣръ,—вещь пустая для зажиточного мужика, но для бѣднаго крестьянина это весьма часто полный разгромъ хозяйства, въ родѣ стихійного бѣствія—града, побившаго полосу хлѣба, или пожара, спалившаго послѣднюю избу. Въ нѣкоторыхъ селахъ для разрешенія этого больного вопроса вырабатываютъ на сходѣ таксу за требы или ппросту назначаютъ жалованье духовенству. Но желанная цѣль не достигается: все равно, приходится разлагать расходъ одинаковыми частями «на души», и опять богатая душа пере-

носить обложение легко, а бѣдная—грустить и жалуется.

Австрійцы весьма мудро обошли острый денежный вопрос: у нихъ установилось нѣчто въ родѣ естественного «подоходного налога». При молельняхъ устроена особая кружка. Никакой предварительной ряды не существуетъ; священникъ дѣлаетъ, что нужно, а затѣмъ прихожанинъ опускаетъ плату, сколько пожелаетъ, въ кружку. Бываетъ и такъ, что плата передается прямо, въ руки священника, но опять-таки послѣ исполненія требы, безъ предварительной ряды, и дается, кто сколько можетъ и желаетъ. Результаты такой простой системы получаются удивительные. Сами старообрядцы, привыкшіе къ своей организаціи, удивляются инымъ фактамъ. Въ Вольскѣ одинъ австріецъ передавалъ мнѣ такой случай: священникъ совершалъ отпѣваніе, которое длилось $1\frac{1}{2}$ часа; прихожанинъ далъ священнику и всему причту за трудъ одинъ только калачъ, и священникъ «даже вида не подалъ, что такую ничтожную лепту пришлось получить за довольно длинную службу».

— Еслиъ этотъ случай былъ не при мнѣ,—добавилъ старообрядецъ,— я усмѣнился бы повѣрить.

— Но странного въ такихъ фактахъ ничего нѣтъ: они вытекаютъ изъ самой системы. И не нужно думать, что австрійские священники получаютъ нищенскій доходъ. Прежде всего, тутъ особая психологія. Русскому человѣку въ особенности присуща одна общечеловѣческая черта: обратись къ сердцу людей, и хлынетъ сокрушительный потокъ пожертвованій; но сдѣлай взносы на самое благое дѣло обязательными, и каждая копѣйка будетъ выниматься съ болью и раздраженіемъ. Какъ ни бѣденъ православный народъ, города и села украшены многочисленными храмами, богато обставленные лавры и монастыри имѣютъ миллионные капиталы, и народная пожертвованія

неустанной волной все текутъ и текутъ къ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ сохраняетъ къ религіи и храмамъ неизмѣнно благоговѣйное чувство. А рядомъ съ этимъ, въ селахъ сплошное неудовольствіе у духовенства съ прихожанами изъ-за платы за требы, и народъ вездѣ настроенъ враждебно къ пастырямъ церкви. Жертва незамѣтна, обязательство тягостно. Въ силу этой психологіи австрійскому священству платятъ скучно только тѣ, кто дѣйствительно не можетъ.

Чѣмъ богаче прихожанинъ, тѣмъ больше платы сама собой, повышается, и устанавливается естественный «подоходный налогъ». Кромѣ того, если прихожане сами выбрали священника, то, естественно, они чтутъ и уважаютъ его, а потому стыдятся давать ему мало. Священникъ-же, зная, что богатые всегда воздадутъ за скучность бѣдныхъ, безтрепетной рукой принимаетъ за длинную службу калачъ и не смущается духомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ памятуетъ, что каждый прихожанинъ, какъ членъ церкви,—его хозяинъ, и, если онъ будетъ выпускать когти жадности, то можетъ лишиться доходного мѣста или очутиться въ уныломъ монастырѣ. Въ концѣ концовъ, миръ и согласіе царятъ въ церкви, а въ дому священника—благоденствіе. Въ Вольскѣ, напримѣръ, два австрійскихъ священника зарабатываютъ около пяти тысячъ рублей въ годъ. При дешевой уѣздной жизни, при церковной квартирѣ и при вещественныхъ приношеніяхъ прихожанъ такой заработокъ обеспечиваетъ уютное и свѣтлое существованіе.

Финансовая система австрійцевъ оказываетъ могущественное влияніе на старообрядцевъ бѣлорусского толка. Бѣлые православные священники идутъ къ старообрядцамъ, конечно, исключительно изъ-за денегъ. Поэтому они берутъ за требы чрезвычайно высокія цѣны, и никакая бѣдность не принимается вниманіе. Въ результатѣ—недовольство, раздраженіе.

Върющему старообрядцу горько и грустно, что ради таинства крещенія или брака приходится ожесточенно торговаться съ уставщикомъ и священникомъ; ставить на первый планъ копѣчные разсчеты и терпѣть униженія, разыскивая нужную сумму. И естественно, глаза невольно обращаются къ австрійской церкви, гдѣ изгнана унизительная торговля таинствами и царитъ плѣнительная тишина. Австрійская церковь растетъ и крѣпнетъ. Бѣгутъ въ нее не только бѣглопоповцы, но и представители другихъ толковъ. Слишкомъ ужъ для нихъ стройно и благолѣпно въ ней: епископы, священники, діаконы,—дружная церковная община, весь возрожденный укладъ старой церкви, по которой такъ изголодались старообрядцы. Австрійская церковь стала во главѣ старообрядчества и вышла на старую проторенную дорогу, съ которой старообрядцевъ согнали двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ и разогнали по лѣсамъ. И вотъ теперь высокой важности историческій моментъ: если старой церкви будетъ данъ свободный просторъ, она широкими шагами начнетъ догонять ушедшую на два вѣка впередъ жизнь и въ недалекомъ будущемъ неминуемо сольется съ современнымъ обществомъ, подкрѣпивъ его здоровой струей старо-русского духа; если-же старую церковь снова постигнетъ жестокій рокъ (чего, конечно, трудно ожидать), то вновь произойдетъ расколъ и раздробленіе и вновь тысячи людей уйдутъ отъ насъ вглубь вѣковъ, порождая десятки уродливыхъ сектъ.

Не рѣдко раздается глумленіе надъ священствомъ австрійской церкви. Страннымъ кажется, что у нихъ въ діаконы, священники и въ епископы посвящаются простые крестьяне, мѣщане и купцы, иногда не твердые даже въ грамотѣ. Забывается при этомъ, что и въ православіи не очень давно пошло священство съ семинарскимъ и академическимъ образованіемъ. Двѣ-

сти, триста лѣтъ назадъ и православная церковь имѣла въ сelaхъ сплошь полуграмотныхъ и даже совсѣмъ неграмотныхъ священниковъ, да и городское духовенство не отличалось высотой образованія. Нужно снисходительно признать, что старая церковь въ смыслѣ образованія отстала отъ насъ на двѣсти лѣтъ и нужно ей помочь догнать насъ. Австріцы прилагаютъ къ этому энергичные усиленія. Всякаго начитанного или даровитаго человѣка изъ своей среды они настойчиво толкаютъ впередъ и дѣлаютъ церковнымъ рукъ оводителемъ. Позапрошлымъ лѣтомъ вольскій купецъ Пареновъ по секрету мнѣ сообщилъ: «Вотъ кого намъ хочется въ епископы, да не упросишь его... Вы его знаете?»—и онъ назвалъ одного изъ гласныхъ губернского земства. Оказывается, этотъ бойкій ораторъ, энергичный дѣлецъ и богатый землевладѣлецъ принадлежитъ къ австрійской церкви, и одновѣрцы, плѣненные его ораторскимъ талантомъ, настойчиво соблазняютъ его архіерейскимъ саномъ. Конечно, онъ не соглашается и не согласится, но характерна эта особенность австрійской общины выдвигать впередъ таланты. Не очень давно въ вольскомъ реальному училищѣ одинимъ изъ первыхъ кончилъ курсъ старообрядецъ-австріецъ, Владіміръ Макаровъ. Онъ пожелалъ остаться въ старообрядчествѣ и чѣмъ-нибудь послужить ему. Для него нашлось превосходное дѣло: онъ теперь учителемъ въ нижегородскомъ старообрядческомъ училищѣ, основанномъ купцомъ Бугровымъ, и получаетъ жалованье 100 рублей въ мѣсяцъ. При встрѣчѣ съ нимъ я долго всматривался въ его умное, симпатичное и застѣнчивое лицо и не удержался, спросилъ: «а скоро вы будете епископомъ?» Онъ сконфузился и махнулъ рукой: «какой я епископъ... Но, несомнѣнно, если онъ пожелаетъ, то будетъ епископомъ очень скоро. Хотя его искреннее отношеніе къ старообрядчеству вѣдь всякаго подозрѣнія, но его

и теперь обезопасили отъ соблазновъ міра сторублевымъ жалованьемъ. Для учителя начальной школы такое вознагражденіе въ Россіи вещь неслыханная, и старообрядцы показываютъ примѣръ, какъ нужно дорожить необходимыми людьми. Для нихъ человѣкъ съ среднимъ образованіемъ, посвятившій себя старой церкви, явленіе пока не совсѣмъ обычное, и такому человѣку они спѣшать дать дорогу. Интересна и постановка нижегородской старообрядческой школы. Въ ней учатся около 150 человѣкъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи. Живутъ они на полномъ пансионѣ и совершенно бесплатно. Программа школы вполнѣ соотвѣтствуетъ программѣ земской школы и учебники тѣ-же, за исключеніемъ Закона Божія, который преподается въ старообрядческомъ духѣ. Школа была разрѣшена съ большимъ трудомъ и съ еще большимъ трудомъ разрѣшена вторая такая школа въ Рязанской, кажется, губерніи. Арстрійцы, между тѣмъ, усиленно хлопочутъ о разрѣшеніи подобныхъ школъ, и нельзя имъ въ этомъ не сочувствовать. Въ сущности, дѣти всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ старообрядцевъ учатся въ обычныхъ училищахъ и многіе получаютъ даже высшее образованіе. Свои-же школы нужны для тѣхъ старообрядцевъ, которые упорно отвергаютъ православныя училища, оставаясь безграмотными или обучаясь у старухъ и старииковъ. Очевидно, какую громадную роль сыграетъ въ жизни этихъ закоснѣлыхъ старовѣровъ собственная старообрядческая школа. Отъ старухи, проповѣдывающей трехъ китовъ, огненныхъ драконовъ, и обросшей, какъ мхомъ, тысячелѣтними суевѣріями, свѣжая дѣтская душа перейдетъ къ учителю съ среднимъ образованіемъ, воспитанному на Гоголѣ, Тургеневѣ, Толстомъ, Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ. Куда поведетъ воспитанниковъ такой учитель, какъ не къ сближенію съ обществомъ, отъ котораго онъ самъ получилъ неискоренимую закваску просвѣ-

щенія? Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья православнаго священника, который доказываетъ, что чрезвычайно полезно разрѣшать старообрядцамъ не только обычныя школы, но и собственная семинаріи. Взглядъ—симпатичный и глубоко вѣрный. Никакой совершенно опасности нельзѧ усмотрѣть въ разрѣшеніи старообрядцамъ учреждать всякия школы, какія они желаютъ. Забывается простая вещь, что у старообрядцевъ нѣтъ ни собственной науки, ни искусствъ, ни литературы, ни наконецъ, своей особенной религіи. Два съ половиной вѣка они бережно хоронятъ въ темныхъ тайникахъ души вѣру въ неприкосновенную святость старыхъ обрядовъ, но дайте имъ выйти на свѣтъ, и они разглядятъ то, что такъ бережно хранили, и сами разсудятъ, стоило-ли изъ-за этого отрекаться отъ всей жизни, выносить отверженіе и муки. Собственные школы, которыхъ они такъ горячо добиваются, сдѣлаютъ это дѣло быстро и окончательно. Наука и литература, свѣтская и духовная, помогутъ имъ ясно взглянуть вообще на сущность и значеніе обряда, и религія предстанетъ передъ ними въ новомъ, неожиданно-яркомъ свѣтѣ, какъ чистый источникъ всеобщей любви и братскаго единенія.

VII.

Бѣглопоповцы составляли и составляютъ самый большой кусокъ расколовшійся старой церкви, и этому большому тѣлу было особенно тяжело извиваться и хорониться отъ неустанно сыпавшихся преслѣдований. Но за то въ послѣдніе годы эта часть старообрядчества перевела свободно духъ: ее признали близкой къ православію, и всякия прямые преслѣдованія совершенно прекратились. Сердце русское отходчиво, и бѣглопоповцы теперь съ большимъ благодушіемъ вспоминаютъ о недавней черной полосѣ сво-

ей жизни. А вспоминать есть что. Сколько тратилось желѣзной энергіи несломанного упорства, сколько сыпалось денегъ, принималось униженій и страданій, чтобы отстоять уголокъ своей вѣры! Безъ священника нельзя было,—а какъ его достанешь, когда все православное духовенство застращено суровымъ тюремнымъ заключеніемъ за переходъ къ старообрядцамъ? Для поисковъ духовнаго пастыря снаряжались цѣлые экспедиціи. Опытные вербовщики безшумно и тайно проникали въ самыя глухія селенія и здѣсь развертывали предъ заголодавшимъ, отягощеннымъ семьею священникомъ соблазнительная картины тысячныхъ доходовъ въ старообрядческой церкви. И если соблазнъ дѣйствовалъ на обнищавшаго или мздолюбящаго священника, то его поспѣшно хватали, переодѣвали, закутывали въ шубы и мчали безъ передышки скорѣе куда-нибудь подальше въ глухое мѣсто. Главное, не успѣли-бы его поймать и разстрічь и чтобы «ставленная» сохранилась при немъ. Священника «перемазывали», «исправляли», и онъ, отрекшись отъ «никоновскихъ ересей», дѣлался пастыремъ старой церкви. Но такой священникъ отправлялъ всю свою жизнь: онъ постоянно чувствовалъ себѣ въ положеніи затравленного зайца, стрѣляющаго, приложивъ уши, отъ каждого звука по кустамъ. Нужно было ежеминутно дрожать всѣмъ тѣломъ, скакать изъ села въ село, изъ города въ городъ, прятаться, переодѣваться, выскакивать потайными выходами, откупаться, лгать, унижаться, потому, что все время по пятамъ гнались преслѣдователи. Такая нечеловѣческая жизнь приносила губительная послѣдствія. Десятки тысячъ, дѣйствительно, наживались, но за то священникъ развинчивался, раздражался, жаднѣлъ и начиналъ сильно, безобразно пить. Большинство загнанныхъ священниковъ кончало запоемъ. Старообрядцы видѣли, что таинства крещенія, брака,

и другія у нихъ есть, но не могли закрывать глаза и на неизлѣчимыя язвы своей церкви. Пастырь пиль, грубилъ, дичалъ, и многіе изъ паству тяжело задумывались: «да нуженъ-ли намъ такой пастырь? Не больше-ли съ нимъ грѣха? Шли внутреннія несогласія, раздоры, попреки, отпаденія. Однако, большинство съ отчаяннымъ упорствомъ держалось и за такихъ священниковъ. Что-же дѣлать: безъ іерея нѣтъ спасенія, а онъ, какой бы ни былъ, все-же имѣетъ благодать. Плоть его немощна и грѣшна, но санъ на немъ священный и спасительный.

Такъ какъ раскиданные по разнымъ городамъ и селамъ старообрядцы не могли за тысячи верстъ всѣ ъздить за таинствами къ священнику, то пастырю приходилось постоянно разъѣзжать повсемѣстно: въ самарскія и уральскія степи, по всѣмъ приолжскимъ городамъ, въ донскія станицы и т. д. Въ этомъ и была наибольшая опасность. Всюду пастырь чувствовалъ себя, какъ волкъ въ лѣсу, наполненномъ охотниками. Притомъ, чѣмъ бѣднѣе былъ старообрядческій приходъ, тѣмъ тучи висѣли чернѣе и грознѣе. Въ богатомъ приходѣ атмосфера постоянно умягчалась умѣлыми и обильными жертвоприношеніями. Поэтому въ бѣдныхъ приходахъ главную надежду возлагали на потайные ходы, секретные подвалы, на неусыпную осторожность и сноровку. Въ Хвалынскѣ, напримѣръ, приспособили не только въ городѣ надежные тайники, но хитроумно организовано было для укрывательства ещесосѣднее село Маза. Какъ только разражалось гоненіе, священника мчали сюда, прятали, и онъ смироно сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока грозовые тучи не проплывали мимо. Иногда внезапная погоня настигала въ самомъ Хвалынскѣ, и тогда пускалась въ ходъ вся изворотливость и накопленная въ постоянныхъ травляхъ опытность. Одинъ хвалынецъ, которому не рѣдко приходилось прятать и прово-

жать своихъ поповъ въ завѣтныя мѣста, рассказы-
валь мнѣ объ одномъ случаѣ,—рассказывалъ съ ве-
селымъ оживленіемъ и блескомъ въ глазахъ, какъ
будто рѣчь шла объ интересной охотѣ на хитраго
звѣря и какъ будто онъ даже жалѣлъ, что былое
тревожное и острое время прошло безвозвратно...

Дѣло было приблизительно въ 1893 г. Въ Хвалын-
скѣ проживалъ старообрядческій священникъ Михаилъ
Смирновъ. Официально онъ числился мѣщаниномъ,
но это не спасало его отъ преслѣдованій. Въ одинъ
зловѣшій день прибѣжалъ, зашывавшись, глашатай и
крикнулъ о. Михаилу: «батюшка! ловить идутъ!
Прячся скорѣе!..» Священникъ тотчасъ же скрылся
въ домъ одного изъ прихожанъ. Но и полиція не
дремала. Быть уже вечеръ. Полиція знала, что во
всемъ старообрядческомъ кварталѣ изъ двора во
дворъ шли тайные ходы, и потому изъ боязни упу-
стить священника не рискнула дѣлать обыскъ ночью.
Весь кварталъ былъ окружены понятными и полиціей.
Ждали свѣтозарнаго свѣтила, чтобы раннимъ утромъ
немедленно и навѣрняка накрыть жертву. А старо-
обрядцы держали ночью военный совѣтъ. Утромъ,
какъ только золотая заря растаяла въ небѣ и брыз-
нуло лучами солнце, ворота одного дома раствори-
лись и изъ нихъ, не спѣша, выѣхали бѣговыя санки,
запряженныя породистымъ рысакомъ. Въ санкахъ сидѣлъ и правиль человѣкъ въ костюмѣ наѣздника, а
рядомъ съ нимъ помѣщался хозяинъ дома, весьма
уважаемый въ Хвалынскѣ и жителями, и полиціей
за хорошее достояніе. Санки медленно, шагомъ про-
ѣхали улицей и спустились на Волгу. Здѣсь стоялъ
возокъ съ тройкой лошадей. Наѣздникъ облобызался
со своимъ спутникомъ, сѣлъ въ возокъ, и тройка,
звеня бубенчиками, помчалась внизъ по ледяному
простору. Это былъ священникъ Михаилъ Смирновъ.

Въ богатыхъ приходахъ жилое нѣсколько спо-

койнѣе. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался
Вольскъ, насчитывающій до 5,000 старообрядцевъ
бѣглопоповцевъ. Здѣсь имѣлись тысячныя средства
для охраны священника, и потому здѣсь была его
постоянная резиденція: сюда совершалось массовое
паломничество изъ мѣстностей, лишенныхъ благодати
священства. Дѣло прошлое, и я никого не обижу,
если разскажу нѣсколько фактовъ изъ вольской
жизни. А дать легкій набросокъ этой полосы старо-
обрядческой исторіи необходимо: на ней наглядно
выясняется, какъ система притѣсненій и гоненій, не
достиная своей прямой цѣли, порождала лицемѣре,
взятки и развращала ту и другую стороны. Теперь
уже, къ счастью, этого почти нѣтъ, теперь это—
«исторія», и можно говорить спокойнымъ повѣсто-
вательнымъ тономъ.

Въ Вольскѣ, при самыхъ гонительныхъ време-
нахъ, бѣглый священникъ постоянно жилъ, постоянно
служилъ, въ моленную стекались тысячныя массы
прихожанъ, но начальство, а также православное
духовенство этого какъ будто не замѣчали. Даже
наблюдалось нѣкоторое дружеское сочувствіе. Въ боль-
шіе праздники—на Рождество, на Пасху, на Троицу—
старообрядцы снаряжали своихъ стариковъ. Тѣ шли
сначала къ благочинному.

— Здравствуйте, батюшка! Съ преддверіемъ свя-
того праздника васъ!—говорили и кланялись они,—
ужъ извините, подарочекъ наше общество послало
вамъ... Примите, не обезсудьте, сто рублей. Хо-
тимъ помолиться, и обѣденка будетъ, а вы ужъ не
взыщите...

— Помолитесь, помолитесь!—привѣтливо гово-
риль хозяинъ,—дѣло доброе. Заблуждаетесь вы, ну-
да теплая молитва.. Насчетъ меня не сомнѣвайтесь..
Что ужъ, конечно... Всякъ по себѣ. Надо жить по-
сосѣдски.

Потомъ старики шли къ полицеймейстеру. И здѣсь ихъ встрѣчали добрымъ словомъ. Взаимное уваженіе скрѣплялось друмя-тремя стами рублей.

— Будьте спокойны,—провожалъ ихъ хозяинъ, — отъ меня стѣсненій не будетъ. Только лишняго не позволяйте.

Затѣмъ происходилъ дружескій разговоръ съ приставомъ и помощникомъ его. Ихъ праздничный бюджетъ тоже пріятно освѣжался. Не забывались и прикосновенные къ дѣлу городовые. Одинъ изъ городовыхъ стоялъ на постоянномъ посту при моленной и дружески раскланивался съ молящимися.

Его значеніе было довольно серьезное. Если бы случайно пріѣзжій чиновникъ или иной какой ревизоръ вздумалъ внезапно нагрянуть въ моленную, городовой долженъ былъ подать условный сигналъ и пока у калитки возились и крахтѣли надъ непослушнымъ засовомъ, который долго не поддавался усилившему усерднаго сторожа, въ моленной происходила волшебная перемѣна; священникъ сбрасывалъ ризы и скрывался въ тайной глубинѣ одного изъ близълежащихъ домовъ, всѣ священническія принадлежности быстро запирались въ сундуки, царскія двери въ иконостасѣ заставлялись широкими старинными иконами, а на середину амвона выходилъ тихій и кроткій старичекъ Лаврентій Ефимычъ, который благопѣнно «замолитвовалъ» и читалъ все, что полагается наставнику. Ревизоръ наглядно убѣждался, что никакого бѣлага священника здѣсь и слѣдовъ нѣтъ, и отправлялся во-свои, причемъ, если выражалъ нѣкоторый намекъ, то получалъ здѣсь же на мѣстѣ единовременную прибавку къ жалованью. Иногда для поддержанія болѣе близкаго знакомства блюститель, который покрупнѣе, заходилъ на квартиру къ полечителю моленной.

— Не знаю, какъ быть,—озабоченно говорилъ

онъ,—что-то у васъ въ моленной не совсѣмъ ладно. Слухи вы пускаете. Получилъ я одну бумагу. Не вышло бы чего...—И потомъ мимоходомъ, глядя въ сторону, прибавлялъ разсѣянно,—хлопотъ полонъ ротъ: дома все расходы; придется, должно быть, заѣхать къ однимъ знакомымъ, занять рублей двѣ-сти-триста.

Попечитель сочувственно вздыхалъ и развертывая бумажникъ, говорилъ: «ужъ дозвольте вамъ довѣрить! Чего жеѣздить утруждаться? Триста рублей не бо-знатъ что: завсегда могомъ. Отдадите когда деньги скопются»...

Долги подобного рода списывались на счетъ расходовъ моленной. Такая система обеспечивала существованіе священника, но нисколько не способствовала спокойствію его духа. Ему отнюдь нельзя было открыто показываться въ городѣ. Поэтому, когда приходилосьѣздить по домамъ со святой водой, славить Христа или христосоваться, то священникъ, замотавшись и закутавшись, трясясь въ экипажѣ съ такимъ чувствомъ, словно онъѣхалъ по осажденному городу, на улицахъ котораго свистѣли пули и лопались бомбы. Вдругъ увидятъ, схватятъ!.. Тюрьма, монастырь, стыдъ, срамота...

Только сидя въ своемъ запертомъ со всѣхъ сторонъ домѣ, священникъ чувствовалъ себя до нѣ-которой степени свободнымъ. Сюда къ нему пропратиться было трудно. Я помню, у меня былъ для этого законный предлогъ: во время всенародной переписи въ 1897 г. мнѣ, какъ переписчику, достался районъ, въ которомъ находилась бѣглопоповская моленная со всей примыкающей къ ней колоніей. Предварительные списки домовъ были подготовлены полицией. Въ моемъ громадномъ участкѣ, который тянулся отъ Волги по Знаменской улицѣ до другого конца города, не было пропущено въ спискахъ ни

одной лачуги. Но когда я вошелъ на широкій, пустынныи дворъ новиковскай молельни, мнѣ бросился въ глаза высокій, обширный домъ, съ плотно притворенными дверями и полузакрытыми ставнями. Я заглянулъ въ полицейскай списокъ: домъ не значился въ немъ. Подойдя къ двери, я сталъ стучать, сначала деликатно, а потомъ крѣпко и настойчиво. Домъ молчалъ. Я отошелъ и заглянулъ въ темныи стекла. Потомъ взялъ съ земли палку и постучалъ въ раму. Домъ глядѣль на меня мертвыми, безучастными окнами. Тутъ я припомнилъ то, что мнѣ хорошо были извѣстно: въ этомъ домѣ жилъ бѣглый священникъ. Но форму нужно было соблюсти. Оглядаваясь во всѣ стороны, я замѣтилъ, что въ одной изъ келій на дворѣ меня молча и мрачно наблюдалъ изъ-за косяка сѣнной двери какой-то мужчина. Я направился къ нему. Онъ вышелъ на новенькое крыльцо и сумрачно изподлобья глядѣль на мой портфель.

— Кто живетъ въ этомъ домѣ? — спросиль я его.

— Никого нѣту. Пустой, — отвѣтилъ онъ, темными глазами безъ всякаго выраженія посматривая на меня.

У меня не было никакого желанія производить розыскъ, да притомъ по инструкціи переписчикъ обязанъ былъ вѣрить словеснымъ заявленіямъ опрошаемыхъ лицъ, а потому я отмѣтилъ таинственныи домъ нежилымъ. Такъ священникъ старообрядцевъ и не попалъ въ перепись! Но за то я побывалъ во всѣхъ примыкающихъ къ моленной домахъ и кельяхъ, гдѣ жили уставщики, пѣвчие, «сиротскія старушки» и другія лица старообрядческаго міра.

Въ этихъ домахъ и дворахъ во время Великаго поста и въ свадебный мясоѣдъ набивалось множество народа. Бѣхали къ батюшкѣ не только изъ близкихъ

мѣстъ, но за тысячи верстъ: съ Дону, изъ-за Волги, изъ Астрахани, изъ Сибири. Въ тѣсной моленной Великимъ постомъ распахивались всѣ двери, столбами валилъ оттуда паръ, чадъ свѣчей и кадильный дымъ, а тысячная толпа плечо въ плечо, задыхаясь въ жару и давкѣ, биткомъ набивала всю моленную, заполняла крыльцо и отбрасывала толпу ожидающихъ очреди на дворѣ, гдѣ люди сидѣли на заваленкахъ и стояли кучками вокругъ всего зданія. Въ свадебный сезонъ бѣхали отовсюду молодая пары. Вѣничать по одной парѣ было, конечно, немыслимо, и священникъ за одинъ разъ вѣничалъ по тридцати, по сорока парѣ. Ихъ всѣхъ ставили въ рядъ и надъ головами держали не вѣнцы, которыхъ было всего двѣ-три пары, а подходящія иконы. Это была наиболѣе доходная статья для священника: самая бѣдная свадьба стоила не менѣе пяти рублей, и священникъ за одинъ приемъ зарабатывалъ полтораста-двеѣсти рублей. Задавленъ былъ священникъ точно также исповѣдниками и причастниками, которыхъ въ иную недѣлю сразу говѣло болѣе тысячи, и крестинами. Служить и хлопотать въ такую горячую пору приходилось, не покладая рукъ. И хотя непрерывный денежный потокъ значительно смягчалъ настроеніе священника, но все же такая постоянная смѣна невольного заточенія съ тяжелымъ, напряженнымъ трудомъ сильно расшатывала нервную систему іерея. Случалось, что священника «прорывало». Онъ забрасывалъ все дѣло и начиналь сильно пить. Это вносило большое смятеніе и смуту въ среду старообрядцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ни былъ грубъ, жаденъ и черяшливъ въ водкопитіи священникъ, приходилось беречь его, словно рѣдкую жемчужину: гдѣ же было искать другого? И скоро-ли найдешь его?

Въ Вольскѣ уже около пятнадцати лѣтъ живетъ бѣглый священникъ Георгій Гумилевскій (отецъ

Егорій, какъ его зовутъ старообрядцы). Отягченный обширной семьей и затомившійся отъ невылазной бѣдности въ скучномъ православномъ приходѣ, онъ теперь подъ сѣнью старой церкви превратился въ солиднаго капиталиста. Помимо десятковъ тысячъ рублей, помѣщенныхъ въ надежныхъ мѣстахъ, онъ соорудилъ себѣ въ Вольскѣ превосходный домъ, который оцѣнивается, по меньшей мѣрѣ, тысячъ въ тридцать. Но какой тяжелой цѣной все это куплено! Цѣлые годы скрываться, дрожать, попадаться, унизительно просить и откупаться, тосковать въ добровольномъ одиночномъ заключеніи и видѣть только хриплыхъ уставщиковъ, которые почтительно, но, какъ неусыпные тюремщики, слѣдятъ за каждымъ шагомъ своего пастыря... И какъ болѣло сердце истинныхъ старообрядцевъ, которые видѣли грязный туманъ, нависшій надъ старой церковью! Священникъ тоскуетъ, грубитъ или пьетъ, вокругъ ходятъ и стерегутъ стаями жадныя ищейки, прихожане разоряются на непомѣрно высокую цѣну за требы, касса общества безпрерывно опустошается на экстренные мѣры для охраны священника,—все это смущало и ожесточало сердца старообрядцевъ, и многие изъ нихъ, не вынося лжи и униженія, переходили въ безпоповскія секты или, отчаявшись найти чистую, свѣтлую церковь, дѣлались одночками-сектантами. Но за то какъ сразу просвѣтѣло и просвѣжѣло въ бѣглопоповской церкви, когда было сдѣлано первое послабленіе. Лѣтъ восемь-десять назадъ преслѣдованія бѣглыхъ священниковъ прекратились. Было только,—какъ говорятъ старообрядцы,—ограничено число такихъ священниковъ пятью. Но теперь ихъ имѣется гораздо больше: когда старообрядцы стали перечислять мнѣ по именамъ находящихся у нихъ іереевъ, то оказалось болѣе десяти. Самое же главное, священники на полныхъ правахъ могутъ

свободно разъезжать и показываться вездѣ и жить «какъ люди», а не какъ затравленные зайцы.

Первый лучъ свободы безслѣдно смелъ и уничтожилъ нѣкоторые грязные лиши, нарощіе во тьмѣ на старой церкви. Отпали, прежде всего, унизительные подкупы и взятки. Не оставалось больше причинъ для соблазна блюстителей прежняго порядка, и новые чиновники, сталкивающіеся со старообрядцами, уже глядятъ на нихъ, какъ на равноправныхъ гражданъ. Облегчилась также и жизнь старообрядческаго священника, а старообрядцы могли уже къ порокамъ и причудамъ пастыря примѣнять строгія требованія, потому что было уже не трудно замѣнить его новымъ іереемъ. Недавно одинъ старообрядецъ писалъ мнѣ изъ Вольска: «отца Егорія въ декабрѣ присудили на два мѣсяца въ острогъ. Обвинялъ онъ, будто бы, крещеную въ церкви невѣstu. Навѣрно, не сядетъ: будетъ судиться дальше.» Въ этомъ письмѣ сквозитъ непонятное для православныхъ обывателей удовольствіе. Духовное лицо сидѣть на скамье подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, но судятъ его не за то, что онъ—старообрядческій священникъ; а за отдѣльный проступокъ, судять по закону, «какъ всѣхъ», и онъ защищается по закону и будетъ «судиться дальше». Въ томъ-то и мечта старообрядцевъ, чтобы ихъ подвели подъ общий законъ. Жить, какъ всѣ равноправные граждане, отвѣчать только за дѣйствительные беззаконные проступки,—какъ это просто и какъ это все еще недостижимо въ полной мѣрѣ для старообрядцевъ..

VIII.

Бѣглопоповцы переживаютъ въ настоящее время чрезвычайно интересный періодъ творческаго броженія. Полоса полицейскаго гнета и гроза прямыхъ гоненій, слава Богу, скрылись въ туманахъ исторіи;

бѣглопоповцы мало-по-малу оправляются отъ разгрома, организуются и залѣчиваютъ раны старой церкви. Но темный, долгими годами гоненій затравленный умъ работаетъ пока тugo, и туманъ вѣкового испуга все еще застилаетъ глаза старообрядцамъ.

Оглядываясь кругомъ, они, въ числѣ оставшихся препятствій, намѣтили главнаго врага: «австрійскую» церковь. Темный сумбуръ въ головѣ мѣшаетъ имъ разглядѣть, что эта церковь—ближайшая, родная сестра ихъ церкви, и они всю энергию направляютъ теперь для борьбы съ ней... Стойная организация австрійской церкви съ полной іерархией—епископами, священниками, діаконами, съ точнымъ исполненіемъ старыхъ обрядовъ и благолѣпіемъ молитвенныхъ домовъ, а главное—съ чрезвычайной дешевизной въ платѣ за требы (кто сколько можетъ), неудержимо влечетъ къ себѣ многихъ старовѣровъ и всего сильнѣе изъ среды бѣглопоповцевъ, которыхъ измучила безурядица въ собственныхъ моленныхъ. Такая грозная конкуренція настолько встревожила главарей бѣглопоповскаго толка, что въ 1903 году въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ былъ созванъ «вселенскій соборъ». Происходилъ онъ три дня—10, 11 и 12 мая,—и стеклись на него, дѣйствительно, со всѣхъ концовъ старообрядческой вселенной: изъ Саратова, Астрахани, Вольска, Хвалынска, Москвы, Нижнаго-Новгорода, съ Урала, съ Дона и даже изъ Сибири. Всего собралось около 200 человѣкъ. На бурныхъ засѣданіяхъ собора австрійская церковь подверглась весьма энергичнымъ нападкамъ. Было постановлено считать австрійское священство ложнымъ, «самозваннымъ», и переходящихъ оттуда къ бѣглопоповцамъ перекрещивать. Этимъ суровымъ рѣшеніемъ главари надѣются отвратить глаза колеблющихся прихожанъ отъ «австрійщины». Необходимо замѣтить, что рѣшеніе перекрещивать—самая край-

няя и рискованная мѣра. Даже православное духовенство признаетъ дѣйствительнымъ крещеніе всѣхъ старообрядцевъ, какого бы толка они ни были и хотѣя бы крещеніе совершалъ простой стариkъ или старуха. Присоединеніе къ православію совершается черезъ мѣропомазаніе. Слѣдовательно, главари бѣглопоповцевъ въ жару борьбы выказали къ австрійской церкви чрезмѣрное и опасное презрѣніе. Соборное постановленіе разослано по всѣмъ моленнымъ для строгаго руководства. Главари возлагаютъ на него большія надежды.

Но можно бояться обратнаго результата. И на самомъ соборѣ была группа старообрядцевъ, которая энергично осуждала крутую и вредную борьбу съ австрійцами; изъ числа же прихожанъ многіе съ явнымъ неудовольствіемъ отзываются о соборномъ постановленіи. «Перекрещива гь выдумали!—говориль мнѣ одинъ изъ молодыхъ и, такъ сказать, либеральныхъ старообрядцевъ,—хуже всякихъ еретиковъ поставили австрійцевъ! А къ чему, на что? Отшибутъ только еще больше отъ себя»... Но и сами главари понимаютъ, что однѣми угрозами «австрійщину» не побѣдишь, поэтому на томъ же соборѣ они выработали рядъ мѣръ для успѣшной конкуренціи съ австрійцами. Если въ австрійской церкви мирно, стройно и благолѣпно, то ясное дѣло, что для удержанія своей паствы и бѣглопоповцамъ необходимо ввести реформы въ собственной церковной общинѣ. Главари обратили прежде всего суровый взглядъ на своихъ духовныхъ пастырей. При смягченныхъ порядкахъ священниковъ не особенно трудно стало доставать, а потому можно теперь передъ ними и за нихъ не дрожать. На соборѣ всѣмъ пастырямъ была сдѣлана строгая переборка и каждому внушено предостереженіе. Попу Ивану, который изъ любви къ конскимъ ристалищамъ переходилъ однажды въ наездники и потомъ

обратился вспять съ повинной, было рѣшительно заявлено: «Ты, вотъ что, батюшка: служить такъ служи и эти глупости оставь, а если опять въ набѣдники захочешь, то вотъ тебѣ послѣдній сказъ: къ намъ больше не являйся. Будетъ ужъ, хлопотали съ тобой довольно»... Съ отцомъ Александромъ тоже напрямки объяснились. Онъ, какъ вдовецъ, тайно повелъ негожую жизнь. Но тайное сдѣлалось для всѣхъ прихожанъ явнымъ, и ему на соборѣ строго-настрого запретили немедленно разстаться съ незаконной, хотя и весьма веселой женой. «Отъ тебя, батюшка, будемъ прямо говорить, грѣха да соблазна этого... одно смушеніе только. Ужъ лучше въ этакомъ разѣ и безъ священника Богъ проститъ. Не къ лицу, батюшка, оставь! А то въ случаѣ чего и отлучить придется окончательно. И за этимъ не постоимъ при такомъ озорствѣ»...

Отцу Михаилу и другому отцу Александру долго и сурово выговаривали за то, что они нѣсколько разъ переходили изъ старой вѣры въ православіе и обратно. Въ наказаніе имъ запретили на нѣкоторое время отлучаться изъ своихъ приходовъ. Помимо этихъ мѣръ нравственного воздѣйствія, была затронута и главная пружина внутренней смуты бѣглопоповской церкви—плата за требы. Въ силу чрезмѣрной нужды въ таинствахъ, необычайная, почти болѣзnenная жадность священниковъ прежде была терпима; теперь пришелъ ей конецъ. Кромѣ суроваго выговарова отцу Егорію и другимъ священникамъ за высокие поборы (нѣкоторые зарабатывали болѣе десяти тысячъ рублей въ годъ), на соборѣ была выработана такса: за вѣнчанье положили братъ 4 рубля, съ бѣдныхъ же и меньше, смотря по достатку, за крещенія и другія требы—кто сколько пожелаетъ.

Этой крупной реформой бѣглопоповцы сразу поставили себя на правильный путь внутреннихъ улуч-

шеній, и за образецъ все-таки пришлось взять все ту-же австрійскую церковь, борьба съ которой поставлена главарями основной цѣлью собора. Знаменательно, что всѣ эти реформы сдѣлялись возможными, когда само общество взялось за управление внутренними дѣлами. Лишній и яркій примѣръ широкаго значенія для жизни начала общественности. Однако, крупныхъ реформъ въ бѣглопоповской церкви ждать нельзя, пока не повѣтъ сверху благодатнымъ вѣтромъ терпимости и свободы. Стало «полегче», но далеко не настолько, чтобы окончательно забыть черное прошлое и съ облегчительнымъ вздохомъ вступить въ новую полосу жизни. Старообрядцы такъ еще запуганы, что всякий новый шагъ дѣлаютъ съ большой оглядкой. Вселенскій соборъ, напримѣръ, посвященный безобиднѣйшимъ дѣламъ мирнаго внутренняго благоустройства, собирался въ большой тайнѣ. Крѣпко боялись, чтобы «начальство не узнало», хотя совершенно не знали, какъ смотрѣть начальство на ихъ безобидный соборъ. На самомъ соборѣ, послѣ всѣхъ рѣшеній постановленій, одинъ старообрядецъ въ простотѣ душевной провозгласилъ: «А теперь я думаю, старички, вотъ что: взять намъ да всѣ постановленія и отпечатать въ газетахъ. Большая польза выйдетъ: и наши вѣ узнаютъ, и австрійцы, и церковные». Старички онѣмѣли отъ испуга: «Эка, чего брякнуль!—замахали они на оратора рукой,—пропиши въ газетахъ, а тебя начальство по головкѣ погладить... Не то, что печатать, и говорить-то поменьше надо». При такой заячьей храбрости, основанной, впрочемъ, на крѣпкихъ урокахъ недавней старины, бѣглопоповцы, конечно, далеко не уйдутъ въ своихъ преобразованіяхъ. Притомъ они, какъ и всѣ старообрядцы, связаны по рукамъ и ногамъ своимъ безправiemъ. Передъ закономъ они не составляютъ ни церкви, ни простого общества.

Такъ же, какъ и австрійцы, они принуждены свои моленныя «закрѣплять на бумагѣ» на частныхъ лицъ (обширная моленная въ Вольскѣ, напр., принадлежитъ по закону Аннѣ Федоровнѣ Мельниковой, хотя постройка производилась на общественные деньги), такъ же мучаются они относительно браковъ, законности дѣторожденія, судопроизводства по дѣламъ наслѣдованія и т. д. Между тѣмъ, нѣтъ другой секты, которая была бы такъ близка къ православію, какъ бѣглопоповцы. Единовѣріе пользуется всѣми правами православія, а бѣглопоповцы, въ сущности, — тѣ же единовѣрцы: при полной тождественности всѣхъ обрядовъ, они, подобно единовѣрцамъ, и священниковъ берутъ отъ православной церкви. Вся разница только въ томъ, что для единовѣрцевъ, священники назначаются православнымъ епископомъ, а бѣглопоповцы берутъ самовольно. Но и эта причина сводится почти на нѣтъ при современной полутерпимости къ уходу священниковъ въ расколъ. И однако, единовѣрцы—родныя дѣти закона и отечества, а бѣглопоповцы—отверженные пасынки. Для однихъ старый обрядъ прощенъ, освѣщенъ и признанъ православною церковью, для другихъ—служить по прежнему причиной проклятія и отверженія. Это бьющее въ глаза противорѣчіе требуетъ скорѣшаго разрѣшенія, что бы исчезло, наконецъ, изъ русской жизни это странное вѣковое ослѣплѣніе, раздѣляющее вѣрующихъ религіозныхъ людей на враждебные и злобные лагери. Всѣ уродливыя послѣдствія раскола испарятся безъ слѣда, какъ только старый обрядъ получитъ полное законное право на свободное существованіе. Въ частности же, для бѣглопоповцевъ самъ собою направляется одинъ проектъ, который, тотчасъ по осуществленіи, долженъ вызвать прекрасные результаты.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка значительная часть старообрядцевъ, съ вождемъ Никодимомъ во главѣ,

шла на примиреніе съ православной церковью и просила себѣ отдѣльного епископа. Вместо того, было дано единовѣріе, въ которому священство подчинено православнымъ архіереямъ. Эта полумѣра оттолкнула готовыкъ къ примиренію старообрядцевъ, и еще больше затугала ихъ крутая система насилия при административномъ присоединеніи къ единовѣрію.

Теперь—самая настоящая пора возвратиться къ старому уроку исторіи. Православію и старообрядчеству остается сдѣлать послѣдній примирительный шагъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣглопоповцы, тайкомъ достающіе православныхъ священниковъ, будутъ необыкновенно счастливы, когда увидятъ возможность пріобрѣсти собственаго «старообрядческаго епископа.» Трудно также сомнѣваться, чтобы въ православіи не нашлось отзывчивыхъ преосвященныхъ, которые согласились бы войти въ старыя стѣны старообрядческой церкви и повести покинутое стадо на свѣтлую дорогу общенародной жизни. Но это обновленіе не должно быть, подобно единовѣрію, полумѣрой. Благодѣтельныхъ результатовъ можно ждать только въ томъ случаѣ, если старообрядцы, выбравъ по своей доброй волѣ епископа, сохранять потомъ полное право для выбора священства и общественнаго руководительства дѣлами церковнаго прихода. При выборномъ началѣ къ старообрядцамъ будутъ попадать не корыстные и жадные (какъ прежде) священники, а истинные добрые пастыри, которые внесутъ первый свѣтъ въ этотъ темный уголъ народной жизни. Что такие священники найдутся и пожелаютъ пойти въ старообрядчество, есть полное основаніе надѣяться. Даже темное старообрядческое прошлое уже видѣло подобные примѣры.

Достаточно вспомнить священника Люцернова, которому, какъ выдающейся личности, Глѣбъ Успенский посвятилъ большую статью. Академикъ по об-

разованію, человѣкъ сильный духомъ, ученый и литераторъ, Люцерновъ пошелъ въ старообрядчество съ широкими намѣреніями. Но, къ сожалѣнію, сдѣлать ему пришлось очень мало. Было самое гонительное время. Подъ грозой гоненій старообрядцы не могли размышлять о внутреннихъ реформахъ, да и самому Люцернову приходилось прятаться, бѣгать, откупаться, отсиживать въ тюрьмахъ... Я встрѣчалъ Люцернова нѣсколько разъ у вольскихъ старообрядцевъ, но, къ сожалѣнію, былъ тогда слишкомъ юнъ, чтобы попристальнѣе взглядѣться въ эту исключительную личность. Помню только, что это былъ бодрый, энергичный человѣкъ, который много и охотно говорилъ съ старообрядцами, а старообрядцы, помню съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли на своего батюшку. Теперь старообрядцы вспоминаютъ, что Люцерновъ много хлопоталъ, стараясь поселить среди нихъ единодушіе, новые улучшенные порядки. Умеръ онъ, не имѣя совершенно денегъ, и тѣмъ неопровержимо доказалъ, что пошелъ въ старообрядчество совсѣмъ не для наживанія капиталовъ.

То, что не удалось сдѣлать Люцернову при морозѣ и выюѣ на старообрядческой пашнѣ, сдѣлаются новые люди, если повѣтъ весной. Самымъ искреннимъ образомъ нужно посовѣтовать бѣглопоповцамъ обдумать и возбудить ходатайство о собственномъ епископѣ отъ православія, и самымъ искреннимъ образомъ хочется вѣрить, что на этотъ шагъ не будетъ данъ, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, уклончивый отвѣтъ. Нельзя же все толкать и толкать старообрядцевъ на тотъ темный путь, гдѣ они доходятъ, подобно уральскимъ казакамъ, до фантастическихъ розысковъ истинной церкви и священства въ таинственной Бѣловодії!

IX.

Люди разныхъ направленій привыкли за послѣдніе годы говорить, писать и думать, что во всей Россіи ползетъ, ломается старый укладъ жизни. Оскудѣло, раздѣлилось дворянство, и нѣтъ ужъ болѣе былой культуры, зачахшей вмѣстѣ съ заглохшими усадьбами; обнищало крестьянство и не только хлѣбомъ, но и духомъ: вымираютъ пѣсни, старинные обряды, деревенская архитектура съ рѣзными коньками и карнизами, благообразные древніе костюмы... А на мѣсто скучноватой, но цѣлостной культуры, дерзко вламываются пиджакъ, монополька и визгливая гармоника. Зачадили громадныя фабричныя трубы, а деревня дала для нихъ наголодавшихся работниковъ, и лица ихъ подъ грохотъ машинъ становятся все испитѣе, и въ глазахъ мелькаетъ недобрый, дерзкій огонекъ. По городамъ растетъ и крѣпнетъ хулиганство. Очевидно, распаденіе коснулось также ремесленного и вообще мѣщанского класса. Вѣковыя формы жизни обветшали, а новыя еле зарождаются съ натугой и болью. Время смутное, большое и тревожное...

Но среди расшатанныхъ и падающихъ зданій угрюмо и непоколебимо стоитъ старообрядчество. Какъ плотно закупоренный сосудъ, оно хранитъ въ цѣлостномъ видѣ древній русскій духъ, замѣшанный на крѣпкихъ византійскихъ дрожжахъ. Дѣло тутъ не въ одномъ старомъ обрядѣ: вся жизнь настоящей старообрядческой семьи, всѣ крупные и мелкіе поступки ея заключены въ непреклонную систему и жѣльзную дисциплину. Когда явился въ Русь первый суроый византійскій монахъ, развернулъ предъ лѣснымъ человѣкомъ-славяниномъ страшныя картины ада и рая и разъяснилъ, что надъ всѣмъ міромъ, надъ всѣми радостями жизни царствуетъ бѣсъ и что единственное

спасеніе отъ адскихъ мукъ за гробомъ—борьба съ соблазнами жизни, умерщвленіе плоти и служеніе Богу постомъ и молитвой, мысль и воображеніе славянина застыли отъ испуга на многіе вѣка. Встала предъ глазами огромная цѣль, которая заслоняла, уничтожала всякий иной смыслъ жизни. И потому наилучшіе, цѣльные славяне приняли самыя рѣши-тельныя мѣры для борьбы съ діаволомъ: одни уходили для подвиговъ духа въ сырья подземелья и пещеры, въ лѣсные скиты, другіе, оставшіеся въ міру, обставили всю свою жизнь молитвенными обрядами, постами и лишеніями плоти, которая со всѣхъ сторонъ загораживали доступъ въ ихъ жизни бѣсовскімъ соблазнамъ міра. Вся эта суровая, монашеская дисциплина цѣликомъ донесена старообрядцами до настоящаго времени. Сильна у нихъ вѣра въ Бога, но, кажется, еще сильнѣе боязнь діавола. Они твердо вѣрятъ, что коварный врагъ стережетъ каждый ихъ шагъ, каждое малѣйшее движеніе и нужна величайшая осторожность, чтобы постоянной молитвой избѣгать западніи искусителя. Мать оберегаетъ ребенка прежде всего отъ невидимаго, но страшного врага человѣка. «Перекрестись! Перекрестись!»—испуганно кричитъ она, если ребенокъ схватилъ кружку съ водой, потому что, если напиться, не перекрестившись, то съ водой проскользнетъ бѣсь и станетъ мучить человѣка. «Опять не покрылъ чашку!»—сердито кричитъ на малѣчика отецъ или мать: въ непокрытую съ молитвой посуду съ юдой или питьемъ сейчасъ-же забирается діаволъ. «А ты ежели плюнешь или чихнешь,—заботливо говоритъ мать ребенку, —створи Исусову молитву, а то бѣсь-то, онъ вѣдь только этого и ждетъ, собереть твою слюнку и всѣ твои мысли узнаетъ». И ребенокъ, напуганный постояннымъ присутствіемъ діавола, ежеминутно шепчетъ, когда плюнетъ, кашлянетъ или

чихнетъ; «Господи Иисусе! Господи Иисусе!»... Если же ему придется выйти одному въ темныя сѣни, на дворъ или идти одному ночью черезъ безлюдный мостъ, мимо рѣчки, темнымъ переулкомъ,—его трясетъ ознобъ ужаса, все тѣло и мозгъ напряжены неодолимымъ страхомъ: со всѣхъ сторонъ крадется за нимъ темная сила, и онъ бѣжитъ, обливаясь потомъ, и задыхаясь бормочетъ: «Господи Иисусе, Сыне Божій!. Господи Иисусе!..» Взрослый старообрядецъ никогда не забудетъ перекреститься или створить молитву, если чихнетъ, плюнетъ, или предъ юдой и питьемъ. И если его ночью кошмаръ душитъ, то, задыхаясь, онъ шепчетъ воснѣ со стонами и страхомъ: «Господи Иисусе.. Господи Иисусе!.. Помилуй насъ грѣшныхъ...» Бѣсовскія козни особенно страшны для женщинъ, и особенно для тѣхъ, у которыхъ умеръ кто нибудь изъ близкихъ: мужъ, отецъ, мать, дочь, сынъ. Тогда ко многимъ изъ нихъ являются «летуны». Женщины часто ведутъ между собой такие разговоры:

— Прочитала я нынче полуночницу,—разсказываетъ сдна, у которой недавно умеръ мужъ,—прочитала да прилегла немножко на печку. Полежу, моль, часокъ. Только лежу это да думаю: «не проплать-бы пироги-то, мѣсить надо вставать». Вдругъ это въ сѣняхъ кто-то шваркъ, дверь-то настежь, и вѣтромъ какъ будто на меня дунуло. Открыла я глаза: Царица Небесная! Стоитъ на порогѣ мой Степанъ Иванычъ, смотритъ прямо на меня и глаза этакъ ласково свѣтятся. «Ну, вотъ,—говорить,—я и пришелъ. Заждалась?» И говоритъ-то этакъ просто, кровно быдто онъ съ базару домой какъ живой пріѣхалъ. Говорить это, а самъ ко мнѣ, самъ ко мнѣ... И глазами меня своими всеё такъ и заморозилъ. Ужъ не знаю, руки, ноги не двигаются, языкъ занѣмѣлъ, ужъ и не знаю, какъ ужъ я...

Дернула рукой-то,—и рука-то кровно не своя, затекла, обмертвела!— перекрестилась, да бормочу: «Господи Иисусе, Сыне Божий! Да воскреснетъ Богъ и разыдется врази Его...» Онъ какъ это шваркнется отъ меня: «ага!—говорить,—догадалась!» Да въ дверь-то огненнымъ шаромъ, а въ съняхъ-то кровно разсыпался: затрещало, загремѣло...

— Отъ него, врага Христова, на всякий часъ опасайся,—говорить съ сокрушенiemъ другая собесѣдница,—вотъ намеднись съ Оксиньюшкой кака бѣда чуть-чуть не вышла. Не слыхала? Все по матери плачетъ. Знамо дѣло, жалко, да вѣдь не вернешь. Ну, плачетъ и плачетъ. Только разъ ночью и выдѣ зачѣмъ-то на улицу. А онъ и тутъ. Идетъ, быдто, къ ней Матрена, мать-то то есть, и этакъ быдто въ платочекъ, въ синенькомъ, на лобикъ-то его надвинула, и сарафанчикъ-то какъ есть ея клѣтчатый. «Чего,—говорить, плачешь, глупенькая? Да и давай, и давай ее заговаривать. Слова-то все ласковыя, любовныя. А этой, Оксиньюшкой-то, такъ съ горя да со слезъ замстило, обрадовалась, не чуетъ ничего и говоритъ съ ней, разсказываетъ ей про все. Идутъ это по улицѣ. Мѣсяцъ свѣтитъ, ясный, свѣтлый. Вдругъ,—знатъ, ужъ Богъ пожалѣль,—смотритъ Оксиньюшка: отъ нея-то отъ мѣсяца тѣнь, а отъ матери нѣть; такъ кровно быдто свѣтъ скрзъ нее проходитъ. Тутъ она и догадалась, да поскорѣе: «да воскреснетъ Богъ и разыдется врази Его...» Смотритъ: Господи Иисусе! ни города, ни улицы, а сидитъ она на краю оврага—страшеннѣйший, глубоченный оврагъ,—еще-бы вотъ малость одна, и слетѣла-бы, только-бы ея душеньку и видѣли. А по полю отъ нея искры, искры! Да хохотъ этакій, индо ее затрясло всеё. Вскочила да бѣжала, бѣжала... Ужъ и не помнить, какъ и дорогу домой нашла.

Невидимый врагъ, коварный, неутомимый, без-

пощадно, всегда летаетъ около старообрядцевъ, и борьба съ нимъ идетъ нешуточная. Для отца съ матерью она еще тѣмъ осложняется, что они несутъ страшную отвѣтственность за дѣтей: какъ бы ни была чиста жизнь самого отца или матери, но если сынъ или дочь поддались грѣхамъ, то на томъ свѣтѣ родители понесутъ тяжелую кару за свои попущенія и поблажки. Поэтому въ семье каждодневно, ежечасно раздаются суровые окрики на легкомысленную молодежь.

«Сѣль, алба перекрестить не надо? Татаринъ, что-ли?—гнѣвно смотритъ отецъ на двадцатипятилѣтняго сына, который, по разсѣянности, взялъ ложку безъ крестного знаменія. «Не болтай ногой! Не болтай: грѣхъ!» — останавливаетъ мать подвижного мальчика, заскучавшаго на стулѣ: грѣхъ потому, что хитрый бѣсь сейчасъ же садится на ногу и качается, на смѣхъясь надъ человѣкомъ. Если кто въ домѣ громко засмѣется или запоетъ, раздается гнѣвный окрикъ отца: «запѣлъ? Въ кабакѣ, что-ли, сидишь?» Съ большимъ неудовольствиемъ выслушивается, когда кто-нибудь изъ дѣтей начнетъ разсказывать что-нибудь интересное, длинное. Лицо отца дѣлается все мрачнѣе. «Ну будетъ! замололъ»,—перебиваетъ онъ. А мать добавляетъ печально: «праздному болтанію бѣсы радуются».

Суровое молчаніе, молитва и вѣчная настороженность чувствуются всегда въ настоящей, строгой старообрядческой семье. Разговоры, смѣхъ, пѣсни, возня, бѣготня, всякия повышенные чувства въ ней неумѣстны и глохнуть сейчасъ-же, ели нечаянно прорвутся. Врага человѣческаго рода здѣсь всегда ждутъ съ суровой, непреклонной рѣшительностью. Если-же на небѣ загремитъ гроза, заблистаютъ молнии, въ домѣ поднимается тревожная суета: поспѣшно закрываютъ трубу, шепча молитву, запираютъ

двери, плотно притворяютъ окна. Во время грозы бѣсы, летающіе снаружи, страшно пугаются молній, которая ихъ прожигаютъ, и опрометью бросаются въ первую попавшуюся трубу, раскрытую дверь или окно. Вотъ почему нужно всѣ отверстія въ домѣ во время грозы съ молитвой закрывать.

Но все это нетрудно: своевременной молитвой всѣ атаки и замыслы бѣса легко отбить. При жизни бѣсь не очень опасенъ: страшенъ діаволъ въ загробной жизни. Здѣшняя жизнь—одно мгновеніе, а тамъ жизнь вѣчна, безконечна, и какой страхъ, какой ужасъ попасть грѣшной душѣ на вѣчныя адскія муки въ неугасимый огонь, гдѣ надъ ней будуть издѣваться торжествующіе мохнатые, рогатые бѣсы, съ огненной пастью и зелеными глазами!.. Ада же никто не минуетъ, если только не исполнены всѣ положенные древними монашескими уставами требованія. На свою краткую земную жизнь старообрядецъ смотритъ, какъ на подготовку къ загробной жизни, и потому онъ мраченъ и суровъ, что чувствуетъ, какъ слабость человѣческая мѣшає ему полностью и въ чистотѣ выполнить всѣ требования устава. Кромѣ того, всегда гнететъ тяжелое сомнѣніе, угодиль-ли Богу исполненіемъ всѣхъ обрядовъ, службъ, постовъ и правилъ, и можно-ли вполнѣ надѣяться на избавленіе отъ адскихъ мукъ? Въ виду великой цѣли всѣ дни и часы года тщательно распределены для молитвы и соблюденія постовъ. Во-первыхъ, во время мясопрѣдѣдовъ соблюдаются всѣ пятницы и среды, а многіе старообрядцы еще и «понедѣльничаютъ», т. е. не ѻдятъ скромнаго и въ понедѣльникъ (исключеніе для этихъ дней «всейднія» недѣли: святки, Пасха, недѣля предъ масляницей и недѣля послѣ Троицы). Обычныя службы въ моленныхъ на праздники и предъ праздниками: всеноочная или утреня, обѣдня и вечер-

ня. Но разнятся онъ отъ православныхъ службъ тѣмъ, что продолжаются раза въ три дольше. Исполняется весь старый обрядъ безъ пропусковъ, и при томъ поютъ длинно и протяжно, а читаютъ отчетливо, тягуче и благолѣпно. Но самое характерное—отношеніе старообрядцевъ къ богослуженію. Передъ каждой службой «кладется началъ», т. е. читается рядъ молитвъ съ поясными и земными поклонами, и каждый изъ опоздавшихъ, войдя въ моленную, долженъ прежде всего положить началъ и поклониться всѣмъ на четыре стороны со словами «простите, Христа ради». И затѣмъ вся огромная толпа, неподвижно стоящая плечо въ плечо въ духотѣ и копоти свѣчъ (мужчины и женщины стоятъ отдельно: одни—впереди, другія—сзади) напряженно слушаетъ въ продолженіе шести часовъ пѣснопѣнія, псалмы, тропари, ирмосы и проч. Каждый знаетъ, когда нужно класть поясной, когда земной поклонъ, и внушительное, трогательное зрѣлище представляеть эта громадная толпа суровыхъ, молитвенныхъ лицъ, то неподвижно глядящихъ впередъ на темныя иконы, то съ шелестомъ и всѣ вмѣстѣ осѣняющихъ широкимъ крестомъ, то всей громадой со вздохами и молитвами кладущихъ земные поклоны.

Здѣсь всѣ—глубоковѣрующіе въ святую силу обряда, и это стихійное молитвенное настроеніе толпы производить чрезвычайно сильное впечатлѣніе даже на посторонняго зрителя. Еще сильнѣе и строже молитва постомъ. Особенное значеніе имѣтъ Великій постъ. Эти семь недѣль—сплошной подвигъ и побѣда надъ плотью у старообрядцевъ.

Въ первую недѣлю, начиная съ «чистаго понедѣльника» и до субботы, нельзя ѻсть съ масломъ и горячее; питаются сухимъ хлѣбомъ, водой, картофелемъ (и его нѣкоторые сначала остудятъ; горячій—грѣхъ), капусту, огурцы. Въ слѣдующія пять недѣль

можно ъсть горячее, но безъ масла. Съ масломъ ко-
нопляннымъ, подсолнечнымъ) разрѣшается вкушать
только по субботамъ и воскресеньямъ. На «Вербное
воскресеніе», однажды на весь постъ (если только не
придется постомъ же Благовѣщеніе), разрѣшено яде-
ніе рыбы. Страстная недѣля, которую старообрядцы
называютъ «страшная»,—соблюдается гораздо суровѣе,
чѣмъ первая. Въ это время вся жизнь въ ста-
рообрядческой семье придавлена какъ будто глухимъ
страхомъ и суровымъ аскетическимъ молчаніемъ; они
какъ будто выявъ переживаютъ и ясно чувствуютъ
всѣ страданія, закончившія жизнь Христа въ эти дни.
За весь постъ (кромѣ субботъ и воскресеній) на
всѣхъ службахъ и въ домашнихъ правилахъ и молит-
вахъ всѣ поясные поклоны замѣнены земными. А такъ
какъ ихъ приходится весьма большое количество и
на утреннюю молитву, и на вечернюю, и на церков-
нія службы, то для истомленныхъ голодомъ старо-
обрядцевъ и особенно для стариковъ и старухъ эти
обязательные земные поклоны являются не легкимъ
дѣломъ, отнимая притомъ отъ обычного трудового
дня не мало времени. За всѣ недѣли Великаго поста
малѣйшій намекъ на пѣсню, попытка засмѣяться или
—уласи Боже!—взять въ руки музыкальный инстру-
ментъ—считается чрезвычайнымъ грѣхомъ. Но истин-
ными, совершенными подвижниками въ духѣ старого
благочестиваго времени, проявляютъ себя постомъ го-
вѣльщики. Имъ приходится посѣщать ежедневно слѣ-
дующія службы (съ многочисленными земными по-
клонами): утреня отъ 2 часовъ ночи до 6 часовъ утра;
часы съ вечерней съ 8 часовъ утра до 12 часовъ
дня; павечерница и правильные каноны съ 3 часовъ
дня до 7 часовъ вечера. Кромѣ того, между этимъ
моленіемъ говѣльщикъ долженъ исполнить въ теченіе
недѣли 70 лѣстовокъ, по 10 лѣстовокъ на день,
которая распредѣляются такимъ образомъ: три лѣс-

товки съ земными поклонами, три лѣстовки—покло-
ны въ поясъ и тѣ—сидя, творя Иисусову молитву; де-
сятая же лѣстовка исполняется такъ: читается «Бо-
городе, Дѣво, радуйся, обрадованная Марія»... и чрезъ
каждый десятокъ этой молитвы произносится «Отче
нашъ»; все это—съ земными поклонами. Говѣльщи-
ку разрѣшается въ эти дни только сухояденіе, т. е.
единожды въ день хлѣбъ и вода (даже соленые огур-
цы, моченая яблока и кислая капуста считаются ла-
комствомъ и къ воспринятію воспрещаются). Но и
это послабленіе только для маломощныхъ: здоровымъ
и сильнымъ говѣльщикамъ полагается вкушать по од-
ному разу черезъ день. Въ пятницу послѣ исповѣди
ѣсть и спать совсѣмъ воспрещается. Эта ночь про-
ходитъ въ молитвѣ и бодрствованіи. Если же кто по
малодушію соблазнился и напьется воды, тотъ дол-
женъ выполнить сверхъ всего одну лѣстовку Иисусо-
вой молитвы. Въ пятницу въ 3 часа дня начинается
всенощная, которая продолжается до 9 часовъ вече-
ра; черезъ часъ читается поновленіе и причастные ча-
сы, продолжающіеся около четырехъ часовъ, а ино-
гда и болѣе. Потомъ идутъ переодѣваться въ чистое
бѣлье и во время отдыха слушаютъ божественное пис-
аніе, а въ 5 часовъ начинается обѣдня, которая тя-
нется, если много причастниковъ (иногда бываетъ въ
большихъ моленіяхъ болѣе тысячи), до 2 часовъ
дня. Расходиться же говѣльщики не могутъ, потому
что послѣ причастія читается отпускъ и дается bla-
гословеніе крестомъ отъ священника. Совершенно
естественно, что къ концу такой подвижнической
недѣли изможденные говѣльщики, съ воспаленными
глазами и заострившимися мертвѣнными лицами напо-
минаютъ людей не отъ міра сего. Не рѣдко обезси-
ленный организмъ получаетъ тутъ же какую нибудь
простудную или заразную болѣзнь. Но въ общемъ
старообрядцы одерживають рѣшительную победу надъ

плотью, и Пасха для нихъ является, дѣйствительно, «Свѣтлымъ праздникомъ». «Праздникъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ». Отблескъ торжества и свѣта мягко озаряетъ и смягчаетъ суровыя лица старообрядцевъ въ первые дни Пасхи. Въ это короткое время какъ будто пробивается истинный свѣтъ христіанской религіи—любовь и прощеніе. Старообрядцы не только читаютъ и поютъ, но и закрѣпляютъ глубоко въ душѣ въ эти часы слова пасхальныхъ пѣснопѣній: «Воскресенія день! Просвѣтимся, людіе!.. Рцемъ, братіе, и ненавидящимъ наасъ: просимся воскресеніемъ и тако возопіемъ: Христосъ воскресе!.. Счастливая усталость побѣды, тихая радость отдохновенія и мирное снисхожденіе къ людямъ слетаютъ въ старообрядческую семью. Но быстро протекаетъ Пасха, и опять жизнь замыкается въ суровыя, узкія, жесткія рамки. Опять желѣзная дисциплина, окрики на проявленіе свѣжей, молодой жизни и молитва, какъ главное и единственное оружіе для борьбы съ соблазнами врага человѣческаго рода.

Изъ ежедневныхъ домашнихъ правилъ и молитвъ большое значеніе имѣеть у старообрядцевъ «полуночница». Состоитъ она изъ разныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Каждую ночь необходимо вставать около полуночи и проходить эту службу. Какую нужно имѣть глубокую вѣру и настойчивую, непреклонную волю, чтобы трудовому человѣку, намаявшемуся за длинный день и только что охваченному сномъ, непрѣменно встать для молитвы въ полночь, и такъ дѣлать ежедневно въ теченіе всей жизни! Но чтеніе полуночницы имѣеть чрезвычайно важное значеніе: второе пришествіе Христа для страшного суда ожидается ночью «внезапу». Въ полуночницѣ есть тропарь, въ которомъ говорится: «се женихъ грядетъ въ полуночи, и блаженъ рабъ, его-же обрящетъ бдяща не достоинъ-же, его-же обрящетъ лѣнища-гося; блюди;

убо, душе моя, да не сномъ отягчена будеши и не смерти предана будеши»... И вотъ, ожидая внезапнаго второго пришествія, каждую полночь встречаются старообрядцы въ бодрствованіи съ соответствующими молитвами и пѣснопѣніями.

Есть еще одна домашняя служба, которой старообрядцы придаютъ чрезвычайное значеніе. Нѣкоторые старики и начитанныя старушки убѣжденно и настойчиво утверждаютъ, что кто ежедневно въ теченіе всей своей жизни, не пропуская ни одного дня, исполнить эту службу, тогъ заслужить за гробомъ «вѣчную райскую пресвѣтлую жизнь». Эта служба включаетъ въ себѣ двѣнадцать псалмовъ (такъ и книжка называется «двадесять псалмовъ»), выбранныхъ изъ псалтири. «Сей чинъ принесъ (говорится въ книжкѣ) отъ святой горы преподобный Досифей, архимандритъ печерскій». Это—келейное правило. Нужно ежедневно читать такъ: утромъ 6 псалмовъ и къ вечеру 6 псалмовъ, а ночью всѣ 12 псалмовъ. По преданію, эти псалмы пѣли преподобные отцы въ пустыняхъ. Старообрядцы для спасенія души искусственно стараются создать вокругъ себя пустыню, отметая всѣ живыя чувства и загораживаясь отъ всѣхъ вторженій бурлящей вокругъ нихъ жизни. Въ такой замѣчательной школѣ воспитывается и закаляется духъ старообрядца. Конечно много есть среди нихъ слабыхъ которые допускаютъ для себя не мало всяческихъ грѣховныхъ послабленій, но главное и все еще крѣпкое, большое ядро старообрядчества состоитъ изъ суровыхъ, стойкихъ, закаленныхъ людей, которые хмуро и молча проходятъ мимо текущей жизни, готовя себя къ вѣчной загробной жизни. И когда видишь, сколько на это загробное подготовленіе уходитъ русской моши, силъ, стальной энергіи и духовныхъ богатствъ, то невольно думаешь: «если-бы всю эту силу повернуть на устройство Цар-

ства Божія на землі, на творческое созиданіе общей братской жизни въ духѣ истиннаго религіознаго пониманія!»... Старый обрядъ, какъ высокая каменная стѣна, загородиль старообрядцевъ отъ всего широкаго, свѣтлого міра и затемниль, приглушилъ всѣ побѣги свѣжихъ мыслей и чувствъ. Но уже ясно чувствуется, какъ эта громадная стѣна качается и клонится, летять кирпичи суевѣрія, сыплется мусоръ въковыхъ предразсудковъ, и побѣдные лучи ликующаго солнца скользятъ сквозь расщелины обреченной на гибель стѣны...

X.

Когда я обходилъ притаившійся среди горъ и лѣса хвалынскій старообрядческій монастырь Черемшанъ, произошелъ маленький случай, который мнѣ долго не забыть. Маленькая, печальная церковь безъ крестовъ, чугунное, черное било, висящее предъ ней на веревкѣ, суровыя мрачныя кельи и угрюмое молчанье загнанной въ это ущелье и застывшей древне-русской жизни невольно внушили робость и смущеніе. Безлюдный дворъ и молчащія зданія, казалось, съ пугливымъ недоумѣніемъ и настороженностью глядѣли на нежданнаго пришельца. Мнѣ хотѣлось увидѣть вблизи живыхъ обитателей этого мертвеннаго царства, и я, тихо бродилъ по монастырю.

За высокой стѣной изъ дровъ послышался громкій разговоръ. Старческіе голоса съ натугой и впѣребивку кричали что-то другъ другу. Я обогнулъ полѣнницу. На толстыхъ обрубкахъ сидѣло три ветхихъ, сгорбленныхыхъ, высохшихъ монаха. Въ черныхъ одѣяніяхъ, въ старенькихъ скуфейкахъ на желтовато-блѣлыхъ волосахъ они пригнулись другъ къ другу и, не видя меня, продолжали громко о чёмъ то говорить Но вдругъ, словно внезапно почувствовавъ присутствіе чужого человѣка, они всѣ сразу обернулись

и молча уставились на меня испуганно-тревожными глазами. Я смущенно стоялъ предъ ними и молчалъ. Одинъ изъ ветхихъ старичковъ, не спуская съ меня пугливааго взгляда, неожиданно прокричалъ натуженнымъ старческимъ голосомъ:

— Мы глухіе! Не слышимъ!

И опять они всѣ, не мигая, съ застывшимъ испугомъ глядѣли на меня. И такъ явно свѣтился въ ихъ слезливо старческомъ взглядѣ страхъ, какъ бы невѣдомый пришелецъ не подошелъ къ нимъ и не завѣль пугающую, еретическую бесѣду или соблазнительное глумленіе, что я сейчасъ-же повернулся и ушелъ.

«Глухіе! Не слышимъ!» Какъ больно бѣть по сердцу этотъ возгласъ! Глухіе не одни эти бѣжавшіе отъ жизни старики,—плотно закрываетъ уши и угрюмо створачивается отъ тысячеголосой окружающей жизни все многолюдное старообрядчество. И много среди него такихъ, которые на всякую попытку живой жизни освѣжить ихъ застывшее сознаніе пугливо и раздраженно машутъ руками и глубже заливаются въ свой уголъ сохранившейся многовѣковой тьмы. Они безнадежно глухіе, не слышать и никогда не пустятъ въ свою душу волнующіе голоса новой жизни. Ихъ ужъ лучше оставить въ покой доживать свой недолгій вѣкъ.

Но не мало среди старообрядцевъ и такихъ людей, которые за высокой стѣной старого обряда съ тревожнымъ волненіемъ прислушиваются къ смутному гулу внѣшняго міра. И особенно замѣтно броженіе пытливой мысли во всемъ молодомъ поколѣніи. Все выше ходятъ волны житейского моря и все сильнѣе подмываются перегородки, разставленныя среди человѣчества неосмысленной взаимной враждой, все чаще летять брызги міровой жизни и черезъ стѣну старого обряда, а внутри нея все бойчѣ бьютъ мо-

лодые ключи, неустанно подтачивающие мрачную преграду къ общей жизни..

Интересно посмотреть, какія силы бывают и раскачиваются въковыя стѣны старой церкви. Наиболѣе организованная борьба ведется миссионерствомъ. Здѣсь дѣйствуетъ опредѣленная система, расходуются крупные суммы, работаетъ обширный штатъ подготовленныхъ людей и ведется подробная отчетность дѣлу. Однако, результаты получаются слабые. Въ этомъ дѣлѣ замѣчаются крупные изъяны, которые весьма замѣтны для посторонняго наблюдателя. Почему-то, во-первыхъ, для миссионерской дѣятельности съ большой охотой принимаются бывшіе старообрядческие начетчики. Въ Саратовской губ. мнѣ известна дѣятельность трехъ миссионеровъ: Климова, Шалкинскаго и Бѣляева. Всѣ трое были въ старообрядчествѣ, выступали долгое время на духовныхъ преніяхъ энергичными заступниками старообрядчества, а потомъ перешли въ православіе и стали дѣйствовать въ противоположномъ направлениі. Вѣроятно, предполагается, что бывшіе начетчики, зная слабыя мѣста своихъ бывшихъ собратьевъ, съ особеннымъ успѣхомъ могутъ защищать православіе. Но забывается одно, чрезвычайно цѣнное условіе: при всякой проповѣди на первомъ планѣ для ея успѣха должно стоять полное довѣріе слушателей къ искренности проповѣдника. Такого довѣрія старообрядцы совершенно не имѣютъ къ миссионерамъ, вышедшемъ изъ ихъ среды. Они всегда склонны объяснять переходъ начетчика въ православіе выгоднымъ жалованьемъ, доходнымъ священническимъ мѣстомъ (обыкновенно такихъ лицъ посвящаютъ въ священники; перечисленные выше миссионеры имѣютъ священнический санъ) и другими корыстными причинами. Поэтому старообрядцы гораздо охотнѣе дебатируютъ о вѣрѣ со священниками православно-семинарского образованія или съ

профессорами богословія. Но самая главная причина слабаго успѣха миссионерской проповѣди заключается въ узкой постановкѣ этого дѣла. Старому обряду противопоставляется новый обрядъ, и всѣ усилия направляются къ опроверженію первого. Духовно-церковная литература имѣеть много разнорѣчивыхъ книгъ. Старообрядцы вооружаются книгами, явившимися на свѣтъ при патріархѣ Іосифѣ и до него; православные выставляютъ никоновскія исправленія. Та и другая сторона находитъ въ старыхъ книгахъ сотни доказательствъ для своей правоты. Слушатели-же, по большей части, малограмотный или совсѣмъ безграмотный народъ. По этому побѣждающій успѣхъ имѣютъ обыкновенно наиболѣе находчивый и талантливый ораторъ. Въ старообрядческой средѣ такіе блестящіе, начитанные спорщики имѣются и весьма цѣняются. Особенно дорожатъ ими австрійцы. Православіе даетъ миссионеру изъ старообрядческихъ начетчиковъ священническій санъ: австрійцы-же своихъ видныхъ ораторовъ вводятъ прямо въ епископы. Въ прошломъ году, напримѣръ, талантливый австрійскій начетчикъ Усовъ былъ сдѣланъ нижегородскимъ епископомъ. Сверхъ того, огромное большинство старообрядцевъ совершенно не интересуется спорами о новомъ и старомъ обрядѣ и относится къ нимъ пренебрежительно. Умъ ихъ крѣпко придавленъ върой въ исключительную святость обряда. Религія для нихъ вся заключается въ обрядности, и притомъ, чѣмъ строже и тяжелѣ эти обряды, тѣмъ яснѣе они чувствуютъ близость Бога. Падать отъ изнеможенія и голода въ великій постъ, отбивать сотни земныхъ поклоновъ, выстаивать, дервенья отъ усталости, нескончаемыя службы въ моленной—вотъ главное служеніе Богу въ старой церкви. Поэтому вполнѣ естественно, что православная церковь кажется старообрядцамъ слишкомъ легкой, свѣтлой, беззаботной.

— Ну что за моленье у васъ,—насмѣшило укоряють старообрядцы православныхъ,—не успѣль до церкви дойти—хвѣтъ ужъ шапочны разборъ. Начала никто не кладеть. Одинъ приходитъ, другой уходитъ. Который крестится, который такъ стоитъ, да вертится на всѣ стороны, ровно будто не въ храмъ Божій пришли, а на веселое зрелище. Развѣ это моленье!

Въ народѣ смутно, но крѣпко царствуетъ убѣженіе, что для Бѣга нужно подвижничество со стороны людей, обузданіе плоти, и когда вся религія сосредоточилась на обрядѣ, то послѣдовательно-вѣрующіе люди стремятся выполнить его въ самой тяжелой, подвижнической формѣ. Этимъ объясняются не только слабые результаты миссіонерско-православной проповѣди, но и тотъ успѣхъ, который имѣеть старообрядчество въ темныхъ низахъ народа, привлекая къ себѣ изъ православія не малое число послѣдователей. Еднимъ просвѣтительнымъ оружіемъ противъ желѣзной силы старого обряда можетъ быть раскрытие для старообрядцевъ истинной сущности христіанства, заключающагося въ дѣятельной и свѣтлой любви къ Богу и людямъ. И можно пожалѣть, что этимъ несокрушимымъ орудіемъ пока мало пользуются, выставляя противъ старого обряда, главнымъ образомъ, новый обрядъ.

Между тѣмъ, живая жизнь незамѣтными, но мощными ударами уже раскачиваетъ вѣковые устои старой церкви. Здѣсь дѣло идетъ уже о критикѣ и отрицаніи всего застарѣлого обряда, и противъ этихъ вѣяній старообрядчество стоитъ смущенно и растерянно.

Очень многіе изъ старообрядцевъ, повинуясь властному требованію жизни, проводятъ своихъ дѣтей черезъ среднія и высшія учебныя заведенія. А это ведетъ къ тому, что молодое поколѣніе совер-

шенно отбрасываетъ отъ себя поклоненіе обряду. Тутъ же рядомъ идетъ все расширяющееся вліяніе свѣтской литературы, которая пронизана тоской о Богѣ, наполнена исканіями святой жизни, но упраздняетъ или отодвигаетъ на второстепенный планъ обрядность. И вотъ во многихъ старообрядческихъ семьяхъ встречаются лицомъ къ лицу представители двадцатаго столѣтія и сѣй византійско-славянской старины. Идетъ нервная упорная борьба, кипятъ гнѣвные споры, молодая сила безжалостно ломаетъ закаменѣвшее міросозерцаніе своихъ отцовъ. Родители съ ужасомъ смотрятъ на «безбожниковъ» дѣтей, раздраженно отбрасываютъ отъ себя еретическія мысли, но шагъ за шагомъ неумолимая молодость дѣлаетъ свое дѣло и во многихъ семьяхъ сурое, аскетическое значеніе стараго обряда значительно подрывается. Много горя несутъ эти неслышныя, тяжелыя семейныя драмы. Молодое поколѣніе побѣдно стоитъ на развалинахъ обряда, но, закончивъ энергично дѣло разрушенія, оно не приступаетъ и не желаетъ приступить къ религіозному созиданію. Вместѣ съ обрядомъ почти всегда молодость отбрасываетъ и всякий интересъ къ религіи. Освобожденный духъ бросается къ шумной суетной земной жизни. И это кладетъ непроходимую пропасть между молодымъ поколѣніемъ и старымъ, которое служеніе Богу продолжаетъ считать главной цѣлью своей жизни. Молодость вноситъ критику, насмѣшку, сомнѣніе въ старый укладъ жизни и оставляетъ стариковъ въ беспомощномъ смущеніи предъ непосильной задачей перестройки всего религіознаго міросозерцанія. Этотъ смутный переломъ, это тяжкое раздумье надъ обрядомъ, какъ главнымъ основаніемъ служенія Богу, замѣчается въ настоящую пору весьма сильно въ глубокихъ слояхъ народа.

Исканіе Бога и жажда святой жизни не уга-

саютъ, но старый путь началь казаться темнымъ и узкимъ. Ощупью, съ мучительными усилиями вѣками затемненнаго ума передовые религіозные люди въ низахъ народа пробуютъ выработать новыя формы служенія Богу, отодвигая обрядъ на второй планъ или совсѣмъ устранивъ его. Возникаютъ новыя секты, ищащія во мракѣ потерянный свѣтъ христіанства. И многие изъ поколебленныхъ старообрядцевъ подходятъ все ближе къ сектанству, пытливо взглядываясь въ новыхъ искателей божеской жизни. Стѣны старой церкви раздвигаются, все больше изъ нея выходить смущенныхъ растерянныхъ людей, а кругомъ мракъ, черная туча невѣжества, тина грязной жизни, и только вдали что-то мерцаетъ свѣтлое, чистое, влекущее..

